

От ненависти До любви

**ДАРЬЯ
КОЖЕВНИКОВА**

АНГЕЛЫ ДАЛЕКО

От ненависти до любви

Дарья Кожевникова

Ангелы далеко

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Кожевникова Д. С.

Ангелы далеко / Д. С. Кожевникова — «Эксмо»,
2017 — (От ненависти до любви)

ISBN 978-5-04-089513-7

Скрываясь от неадекватного бывшего мужа, Инна приехала работать фельдшером в далекий северный поселок. Встретили ее приветливо, но служебное жилье оказалось совершенно непригодным, и Инну определили на квартиру к шоферу Вадиму, человеку с тяжелой судьбой, потерявшему свою семью. Вначале девушка была в шоке от такого варианта – как можно жить под одной крышей с чужим мужчиной? – но вскоре познакомилась с Вадимом поближе и поняла, что его не стоит опасаться. Жизнь понемногу налаживалась, но вдруг выяснилось, что в поселке орудует неуловимый убийца, душащий женщин... По долгу службы Инне приходилось осматривать тела жертв, и участковый недвусмысленно намекал, что в число подозреваемых входит и Вадим. Но невозможно поверить, что человек, с которым у нее возникла взаимная симпатия, повинен в этих ужасных преступлениях.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-089513-7

© Кожевникова Д. С., 2017
© Эксмо, 2017

Дарья Кожевникова

Ангелы далеко

Посвящается светлой памяти моего отца, Кожевникова Сергея Сергеевича

© Кожевникова Д. С., 2017

© ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Тихо хрустнула замерзшая ветка под его ногой. В вечерней тишине на окраине даже не города, а поселка этот звук прозвучал, как выстрел. Или ему показалось так? Во всяком случае, женщина его услышала. И, нервно оглянувшись, прибавила шагу. Он выругал сам себя за неуклюжесть. Не то чтобы боялся ее упустить, но собственная оплошность лишила происходящее части очарования. Теперь он уже не сможет подкрадываться к ней бесконечно долго, наслаждаясь предстоящим, смакуя каждую минуту и чувствуя, как адреналин вскипает в крови.

Это было непередаваемое, фантастическое и настолько острое наслаждение, что почти граничило с болезненными ощущениями. И вот теперь... Но он отбросил от себя эту мысль. Заставил отбросить. Пусть сейчас не удалось сделать так, как хотелось, но будут следующие жертвы. Обязательно будут. Потому что получить удовольствие не единственная его цель, хотя он и ловил себя на мысли, что с каждым разом удовольствие становится все больше и ему все сильнее хочется испытать его вновь. Нет, помимо этого, целью было еще и уничтожить. Причинить боль, заставить жертву корчиться, извиваться от ужаса, как червяк, а потом уничтожить. Стереть с лица земли еще одну представительницу племени, которое он однажды так возненавидел, что в конце концов и пришел к тому, чем занимался сейчас.

Женщина опять оглянулась, и он пригнулся, постаравшись слиться с черным кустарником: не хватало еще, чтобы жертва начала кричать прежде, чем расстояние до нее станет достаточным для того, чтобы в считанные секунды заглушить этот крик. Мало ли кто может услышать? Ведь, помимо них двоих, могут быть и другие, кого носит по окраине поселка в столь поздний час.

Но женщина ничего не заметила и снова устремилась вперед почти бегом. А он, куда более сильный и быстрый, пустился следом. Как хищник, настигающий свою добычу. Несколько быстрых широких шагов на полусогнутых ногах. Ноздрей коснулся легкий аромат духов и запах пота. Того пота, который не способны были нейтрализовать никакие дезодоранты – от страха, от смертельного ужаса. Он с наслаждением втянул в себя этот запах. Женщина услышала его вздох и развернулась. И теперь увидела его стремительно надвигающуюся черную фигуру. Но это было уже не важно.

Поезд стучал колесами на стыках рельсов. Зима в их краях всегда приходила рано, и даже первые морозы редко отличались мягкостью, а в нынешнем году природа, кажется, решила поставить рекорд. В вагоне было холодно, окно заиндевело, и через него мало что можно было разобрать. Сидя за столом у окна, Инна прижала ноги в сапогах к едва теплему радиатору, чувствуя, что ступни уже на грани замерзания. В соседнем купе мужская компания грелась по-своему – химическим, так сказать, путем. Собеседники разговаривали друг с другом на повышенных тонах, каждый старался перекричать другого, и никто никого не слушал. Инна в своем купе находилась, к счастью, одна. Ей не хотелось бы попасть в

такую же пьяную компанию. Только этого ей и не хватало для полного «счастья» как раз в тот момент, когда она по-настоящему начала понимать, куда ее занесло. Точнее, даже и не занесло, а она сама так сделала, отправилась бог знает куда, причем осознанно, не желая оставаться после училища дома.

Инна закрыла глаза. Дома сейчас тепло, тихо тикают часы на маленьком столике возле мягкого-премягкого большого дивана с подушками, над которым склоняется изящный торшер. Красиво, уютно. У окна волнистыми складками струятся занавески, на полу пушистый ковер. А тут стук колес, пьяный гвалт в соседнем купе, и замерзнуть можно даже в вагоне. Но она сама этого захотела, никто ее не толкал. Потому что в их городе жил человек, который был способен превратить ее существование в ад, и единственным для Инны способом предотвратить это было оказаться от него на как можно большем расстоянии.

– Соловьева, извини, что вмешиваюсь, но я совершенно случайно услышала, что по ряду причин тебе хотелось бы уехать из города по распределению, – сказала Инне перед самым вручением дипломов вызвавшая ее к себе в кабинет директриса училища.

– Да, именно так, – не стала отпираться Инна.

Ей было уже не важно, кто и что рассказал директрисе. Как с ней, так и со своими почти уже бывшими сокурсницами Инна вряд ли встретится в дальнейшей жизни, потому что совершенно точно окажется от них очень далеко. Вопрос был только в том, куда ехать. И тут директриса заговорила как раз об этом.

– Могу кое-что предложить тебе. Требуется фельдшер в одном из северных поселков. Там ведутся лесозаготовки, имеется деревообрабатывающий комбинат и еще какая-то не слишком тяжелая промышленность, так что место как будто не совсем глухое. Медик нужен позарез. Сама понимаешь: работа на улице, травмы и прочее, а «Скорая» пока еще доедет по бездорожью... Да и местным бабкам надо где-то хоть иногда давление измерить. Я от тебя ничего не скрываю, говорю как на духу: предлагаю отнюдь не райские кущи. Но, с другой стороны, вроде и не полный отстой, как вы, молодежь, выражаетесь.

Но тут директриса ошибалась. Отстой был полный. Впрочем, и до отъезда Инна допускала, что так может быть, но в тот момент любая авантюра казалась ей лучшим выходом, чем оставаться дома, в их с мамой уютной квартирке. Но сейчас, слушая скрип старого вагона и глядя на заиндевевшее окно, за которым угадывалась темная стена нескончаемого леса, она начала испытывать нечто подобное чувству, которое, наверное, испытывает человек, очертя голову кинувшийся в черный омут. В родном городе, при всех грозивших Инне неприятностях, все-таки все было знакомо, и мама была рядом, а тут... Девушка судорожно вздохнула, заранее ощущая острую неприязнь к тому, что ждало ее в конце пути.

Женщина не успела закричать, как и многие другие до нее. По опыту он знал, что на крик жертва переходит не сразу, есть несколько мгновений до того, как преследуемая осознает свое положение, поймет, что ее ожидает, соберется, сделает вдох... И за эти мгновения он всегда успевал перекрыть рвущийся из ее горла воздух. Потом следовала борьба, такие длинные и вместе с тем такие короткие секунды, и вот жертва не то что нема, а уже и не дышит. Он обожал это ощущение, когда тело под ним вначале ослабляло сопротивление, а затем и вовсе замирало, безжизненное, полностью покорное его воле.

Тяжело дыша, убийца поднялся, поправил на себе одежду. Присел рядом со своей неподвижной жертвой, такой теплой, как будто была еще жива, и такой покорной, какими женщины бывают только после смерти. Поднял ее руку и отпустил, наслаждаясь чувством полной власти над безжизненным телом.

С первой было не так. Первая, городская сучка, которая была его любовницей, потеряла сознание, когда он слишком сильно ударил ее в пылу их последней ссоры. Не удержался и ударил. Потому что та, забеременев от него, начала предъявлять ему претензии. А ведь была

замужем! Он же так понимал: либо живешь с мужем и не гуляешь от него, либо гуляешь и все последствия расхлебываешь сама. Кроме того, откуда ей было знать, что он люто ненавидит вообще всех беременных? Вот и врезал ей от души, после чего у него и возникло восхитительное чувство полной власти над ней. Только длилось оно недолго, до того момента, пока женщина не пришла в себя, пока не начала визжать, раздражая его слух. А он с детства не выносил женского визга, ненавидел этот звук всеми фибрами души.

Тогда, в первый раз, он не хотел убивать. Хотел лишь, чтобы визжащая дура заткнулась, вот и сжал ее шею с трепетно бьющейся жилкой. Эта жилка, как маленькая птичка, билась под его ладонью... а потом перестала биться, и тело под ним неожиданно обмякло. В тот, первый, раз, остыв от охватившей его злости, он даже пытался ее оживить, не понимая, что все старания бесполезны. Нет, он не жалел ее. Просто перед ним внезапно и остро возникла проблема: что делать с телом? И как выйти сухим из воды? Он даже запаниковал вначале, так ему стало страшно в тот первый раз. На все был готов, только бы удачно замести следы, и, конечно же, был уверен в том, что никогда больше... да, да, больше никогда...

Но после того как остался безнаказанным, страх начал проходить. Не сразу, постепенно. Долгое время он вздрагивал по ночам, заслышав чьи-то шаги: не за ним ли идут? И замирал, когда при нем начинали говорить об убийстве. Такие разговоры буквально жгли его, и ему иногда хотелось, забившись в угол, заорать во все горло: «Это не я!» Но со временем все прошло: и страхи, и грызущее чувство вины. Взамен появилось нечто новое: к своему ужасу, он понял, что очень хочет опять почувствовать свою полную власть над женским телом, ощутить тот запах ужаса и биение жилки в ладонь. Потому что с той поры ни разу больше не испытал такого острого, почти болезненного удовлетворения.

Какое-то время он сопротивлялся этому своему желанию, но потом... Потом начал заглядываться на одну из работниц их конторы. Он выбрал ее. Вначале проделывал с ней все не раз и не два в своих фантазиях, а вскоре поймал себя на том, что уже реально обдумывает план второго своего убийства. Конечно же, ему не хотелось попасться и в этот раз, а значит, все должно произойти так, чтобы комар носа не подточил. Поэтому он очень тщательно продумывал второе свое преступление. А затем осуществил его. И с тех пор...

Он наклонился, заглянул с очень близкого расстояния своей очередной жертве в лицо. Мертва. Но надо быть абсолютно уверенным в этом. В том, что не отдышится, не сможет опознать. На всякий случай проверил ее руки – не застряли ли во время борьбы между пальцами волосы с его головы, не поцарапала ли его женщина, не осталось ли его кожи у нее под ногтями? Достал из пакета остро пахнущую тряпицу, заботливо все обтер, отряхнул. И пошагал прочь, все той же тряпицей заматавая за собой следы на морозно сыпучем снегу. После того, первого, раза он убивал только на улице и никогда не прятал трупы, считая, что больше при этом наследит, чем скроет.

Инна вышла на слабо освещенный перрон. В стороне от него в штабеля готового к отправке леса били лучи прожекторов, и там кипела жизнь: разгружались сразу несколько подъехавших лесовозов, мужики что-то кричали друг другу, где-то недалеко от них грохнула тронувшаяся с места цепочка товарных вагонов. А здесь, на пассажирском перроне, явно не ждали гостей. Единственным движением, которое уловила Инна, был полет поднятой морозным ветром бумажки, брошенной кем-то мимо заснеженной урны. И все. Девушка огляделась в поисках вокзала, но потом поняла, что здание прямо перед ней, вначале принятое ею за багажное отделение. Маленький, убогий вокзал в сравнении с их огромным городским, но другого не было, и Инна направилась к нему, кляня себя на чем свет стоит за свое глупое решение приехать сюда.

Скрипучая замерзшая дверь открылась с трудом, зато внутри оказалось довольно тепло. И абсолютно пустынно: ни буфета, ни пассажиров в крошечном зале ожидания. Вообще ничего и никого! Даже окошко единственной кассы задернуто шторкой.

– Здесь есть кто-нибудь? – устав оглядываться, громко спросила Инна. И удивилась, когда услышала в ответ из-за какой-то двери женский голос:

– Иду, иду!

В зале появилась служащая в железнодорожной форме.

– Здравствуйте, слушаю вас!

– Здравствуйте, – кивнула Инна, не удержавшись от тяжелого вздоха. – Скажите, пожалуйста, как мне попасть на автостанцию?

– На автостанцию? – Женщина посмотрела на Инну и как-то с ходу перешла на «ты». – А тебе зачем?

– Мне нужно в Боровое, – с чувством полной безнадежности сообщила девушка.

– И только-то? – улыбнулась работница вокзала. – Так для этого нет никакой нужды добираться до автостанции. Проще всего тебе к шоферам подойти, которые лес привезли. Вон они, на товарной станции. Кто-нибудь из них обязательно окажется из Борового, вот и подкинет тебя, без разговоров и лишних хлопот.

– Спасибо, – снова вздохнула Инна.

Покинув хоть и маленькое, да все же теплое здание вокзала, девушка побрела туда, где прожекторы лили яркий свет на высокие штабеля леса. «Ничего, поработаю немножко и сбегу», – утешила она себя, зябко ежась под порывами морозно-колючего ветра.

Когда Инна добралась до оживленного грузового перрона и изложила свою просьбу первому попавшемуся светловолосому мужчине лет тридцати, тот весело откликнулся:

– Я и довезу. Как не довезти? Тем более фельдшерицу. Мы уж заждались! Нам такие кадры нужны позарез!

И ни слова о том, что медработник явно только что после училища. Инна-то всегда производила на окружающих впечатление совсем юной девчушки. Видимо, и впрямь здесь настолько остро нуждались в фельдшере, что рады-радешеньки любому. От этой мысли девушку снова кольнуло нехорошее предчувствие.

Но отступать все равно было поздно и некуда, поскольку альтернативой поездке в Боровое на ближайшую ночь являлся холодный и пустынный перрон. А так мужчина уже увлекал Инну к машине, ухватив ее нелегкую дорожную сумку и знакомясь на ходу. Потом помог ей взобраться в высокую кабину тихо рокочущего на холостом ходу лесовоза, колеса у которого оказались примерно Инниного роста, и оставил ее там греться. А вскоре, закончив свои дела, и сам лихо запрыгнул за руль, включил радио, и они тронулись с места.

Вначале лесовоз величаво, как и положено очень массивной машине, вырулил с территории склада. Затем выехал на дорогу и рванул вперед, как огромный лайнер, незаметно пожирая километры. Скорости почти не ощущалось, но Инна видела, как мелькают за окном заснеженные ели, сплошной стеной стоящие по обе стороны дороги.

– Ты шубку-то расстегни, а то вспотеешь, – предложил шофер, представившийся Степаном.

Сам он снял с себя куртку, едва забравшись в кабину. Инна посмотрела на него, желая получше запомнить первое лицо из множества незнакомых лиц, ожидающих ее в Боровом. И последовала совету. В кабине действительно было тепло. Так тепло, что девушка ощутила, как начинают отогреваться, казалось, навечно заledenевшие в поезде ноги. А льющаяся из динамиков спокойная музыка целительным бальзамом ложилась на ее натянутые нервы. «Как мало порой бывает нужно человеку! – вдруг подумала Инна. – Может, не так уж и плохо будет там, в поселке лесозаготовителей?»

– Хорошо, что ты к нам, – словно вторя мыслям пассажирки, сказал Степан. – Я тебя до самой конторы доброшу, мне как раз накладные надо туда завезти.

– До конторы? – не поняла Инна.

– А как же? Как раз успеем к концу рабочего дня. Оформись сразу у них. И опять-таки, они тебя устроить должны.

Инна с удивлением посмотрела на часы. Из-за холода, большого количества впечатлений и рано наступившей темноты – не городской, щедро разбавленной огнями, а густой темноты захолустья – у нее было впечатление, что сейчас уже глубокая ночь. А оказалось, вовсе нет. Еще даже контора работает. И – как знать! – может, устроят ее сейчас в такую же уютную квартирку, как у них с мамой. Она переночует в тепле, стряхнет усталость, придет в себя, а дальше уже видно будет. Уже без особой неприязни, а с надеждой Инна устремила взгляд через лобовое стекло на освещенную фарами дорогу, по которой разгуливала поземка. Если бы она только представить могла, в каком состоянии находится служебное жилье при местном фельдшерско-аптекарском пункте, то, наверное, прямо на ходу выскочила бы из машины и пешком рванула назад.

А вот в конторе, куда, как и обещал, доставил ее Степан, об этом знали слишком хорошо. Лица сидящих в теплом помещении женщин вытянулись с одинаковым выражением растерянности, едва Степан представил им вновь прибывшую.

– Батюшки! – выдохнула одна из них, высказывая общее мнение. – Куда ж мы ее поселим-то?

– Найдете куда, так вашу растак! – загремел на теток Степан. – Оттого у вас и бегут фельдшера, что не можете условия им создать! Хоть эту-то не упустите, может, последнюю бог послал! А вы тут...

– Так никто уже и не ожидал, что кто-нибудь еще к нам согласится приехать, – оправдываясь, жалобно проговорила одна из конторщиц. – Степ, может, ты отвезешь ее? А заодно и печь там растопишь?

– Там топить дня два надо только для того, чтоб стены отогрелись! – рявкнул на них Степан. – Берите ее пока кто-нибудь к себе, а дальше видно будет. И попробуйте только упустить! Моей Верке пусть еще нескоро, но рожать предстоит, так она уж вся извелась, гадая, успеет ли к ней «Скорая» приехать. А тут пусть и девочка еще, да все свой человек рядом!

Приветливо кивнув Инне, Степан покинул контору, торопясь, надо думать, к своей беременной жене. После его ухода в помещении повисла тишина.

– Даже не знаю, что делать, – нарушая ее, развела руками одна из женщин. – Мой-то снова запил, скандалит по вечерам, так что к себе я ее забрать не могу.

– Я рада бы, да мы впятером ютимся в двух комнатах, – вздохнула другая.

– Давай-ка мы тебе чайку горячего нальем... – предложила третья, взглянув на Инну, пуще прежнего начавшую раскаиваться в том, что решила отправиться в этот поселок. – А потом уж решим, что делать. Не горюй, на улице не останешься!

От чая Инна не отказалась. Ей, растерянной, беспомощной, вот-вот готовой расплакаться, очень кстати прилась сейчас чашка горячего ароматного напитка. По крайней мере, он помог растопить подступивший к горлу комок. Инна устроилась, присев к столу одной из конторщиц, и пила чай, обхватив чашку обеими руками, чтобы не упустить ни капли животворного тепла. В конторе, как и в кабине лесовоза, было хорошо натоплено, но внутренний холод неустроенности и одиночества, казалось, забирал ледяными щупальцами из тела все тепло на стадии зарождения. А то, что в контору постоянно забегал народ, спешивший сдать какие-то бумаги, чтобы побыстрее вернуться к себе домой, лишь усугубляло Иннино удрученное состояние. Каждому из прибывших конторщицы представляли девушку, и люди в большинстве своем тепло говорили ей: «Нужны нам такие кадры, ох как нужны!» Инна

механически кивала в ответ, но уже и не пыталась запомнить лица, промелькнувшие перед ней за этот вечер. Сами собой запомнились лишь два человека, и именно потому, что среагировали на ее появление не так, как все.

Первым был невысокий худощавый молодой мужчина с темными, глубоко посаженными глазами, в ответ на представление конторщиц скептически скривившийся:

– Фельдшер? Ну-ну...

– Не обращай на него внимания, – посоветовала Инне одна из женщин, когда парень вышел. – Это Васька Морозов, тот еще гусь. Вроде с ориентацией все в порядке, но на женщин у него отчего-то клык во все тридцать два зуба наточен.

– Хм, отчего-то... – фыркнула другая конторщица. – Да оттого, что Таисья, истеричка, обобрала его до нитки перед тем, как от него с любовником укатить, квартиру городскую отсудила. Он от нее, понятное дело, ни того, ни другого никак не ожидал. Года три уж отойти от подлянки не может, раньше-то таким не был.

– Таисья еще и родить успела от любовника, а алименты навесила на Ваську, – напомнила третья.

Женщины принялись наперебой обсуждать личную жизнь Василия и его бывшей жены. Инна слушала их вполуха: что ей за дело до семейной драмы совершенно чужих людей? Впрочем, вскоре разговор сам собой вынужден был угаснуть: чем ближе подходило время к концу рабочего дня, тем реже закрывалась в конторе входная дверь. На столы конторщиц, нередко сопровождаемые короткими оживленными комментариями, то и дело ложились талоны, путевки, накладные.

– О, еще один явился! – буркнула себе под нос сидевшая рядом с Инной женщина после того, как в очередной раз хлопнула створка.

– Могу и не являться, сама за бумагами будешь бегать, – ухитрившись расслышать ее слова, ответил коренастый, стриженный «под ежик» мужчина со шрамом через всю левую щеку. Произнес он это мрачно и с вызовом, сразу дав Инне понять, к чему именно относилось произнесенное женщиной «еще один».

– Ладно, Захар, не ворчи, – примирительно сказала ему другая конторщица. – Познакомься вот лучше: это Инночка, наш новый фельдшер.

Мужчина молча кивнул, скользнув по фигуре девушки цепким взглядом. И вышел, оставив у Инны какой-то нехороший осадок на душе, будто исхитрившись ее оцарапать.

– Ты не бойся его, Захарушка у нас совершенно безобидный, – заметив, как помрачнела Инна, поспешила успокоить ее конторщица. – Угрюмый – да – и нелюдимый, но по характеру добрый. Мать его в детстве была смертным боем, шрам на щеке у него с тех времен остался. И в душе, наверное, тоже немало всяких шрамов скопилось, потому наш Захарушка и не женат до сих пор. А так – и к детям чужим очень хорошо относится, и соседа не бросит в беде, и собак бездомных подбирает, и вообще...

– Здравствуйте, королевы бумажных цифр! – жизнерадостно перебил ее на полуслове очередной вошедший мужчина. И опустил на ближайший стол две увесистые картонные коробки, поставленные одна на другую. – Принимайте орудия труда!

– Ой, девочки, не знаю, как бы я это все доперла! – выдохнула появившаяся следом женщина, скидывая с головы запорошенный снегом пуховый платок. – Выдали все разом, и бумагу, и бланки на квартал. Да еще отчеты вернули. Хорошо, что участковый встретился и помог!

– Не просто участковый, а блюститель порядка, покоя и справедливости, – авторитетно поправил ее добровольный помощник.

– Да ладно тебе, балагур! – дружно заулыбались конторщицы. – Валер, пока ты еще здесь, переставь, пожалуйста, коробки на стеллаж. И познакомься: это наш новый фельдшер, Инночка.

Инна так же механически, как и всем, кивнула участковому в ответ на его восторженное приветствие, а потом тоже машинально проводила взглядом его спину до двери. Все, чего ей сейчас хотелось, это отмотать отрезок жизни назад, чтобы никогда здесь не появляться. Здесь, где ей даже места не нашлось и где почти все откровенно рады ее приезду, но никто пока не берется помочь.

Когда в следующий раз распахнувшаяся дверь пропустила внутрь темноволосого мужчину, по виду лет на пять постарше Степана, в молодецки распахнутой черной кожаной куртке на белом овечьем меху, конторщицы встрепенулись.

– Ларичев, ты-то у нас точно никуда не спешишь! – воскликнула одна из них. – Вот ты и выручай! Девочка к нам приехала, фельдшер, а устроить некуда. Можно было бы отвезти ее в...

– Фельдшер?

Мужчина перевел глаза на Инну и едва уловимо вздрогнул, изменившись в лице. И застыл, пристально глядя на нее. Инне от его взгляда стало не по себе. Что в нем было? Словно отчаяние пораженного насмерть. Но девушка чем угодно могла бы поклясться, что видит этого человека впервые в жизни и, уж конечно, не успела сделать ничего такого, чтобы вызвать подобную реакцию с его стороны. Для того только, чтобы прервать немую сцену, Инна хотела спросить, не знакомы ли они, но, к ее облегчению, мужчина быстро справился с собой. Смугловатое и неровное, словно бы испещренное мелкими оспинками, его лицо как будто оттаяло, на него вернулись нормальные краски, плотно стиснутые губы разжались, и выражение темно-карих глаз, от которого у Инны вначале мороз пробежал по коже, изменилось. Мужчина вздохнул, причем так глубоко, как будто до этого вовсе не дышал, и переспросил вполне спокойным, низким, мелодичным голосом:

– Фельдшер?

– Да, – ответили конторщицы, вдруг почему-то начавшие переглядываться.

– И вам, конечно же, как всегда, негде ее устроить? – с насмешливой издевкой уточнил Ларичев.

– Именно что негде! – с вызовом откликнулась одна из женщин, уже уставшая, по-видимому, от свалившейся как снег на голову проблемы. – Мы-то здесь с какого боку? Сами, что ли, служебное жилье должны перестраивать? А директор только обещаниями сыплет. Ему-то что, у него семья в городе.

– Все ясно, – отмахнулся от нее мужчина, снова переводя взгляд на Инну. – Ну что ж, я живу один в трехкомнатной квартире, так что с радостью могу уступить часть пустующей жилплощади.

«Этого только не хватало! – подумала Инна. – Я тебя знать не знаю, и вдруг – поселиться с тобой в одной квартире!»

Но, заметив просиявшие лица конторщиц, она с ужасом поняла, что как раз на такое решение проблемы женщины и рассчитывали.

– Соглашайся, Инночка! – не давая ей времени на отказ, воскликнула одна из них. – У Вадьки и правда места – хоть танцуй. И смирный он у нас, как никто другой, и тихий...

– Бирюк, – подсказал Ларичев.

Женщины смутились, как если бы он произнес вслух данное ему за глаза прозвище. А Вадим продолжил, обращаясь теперь к одной только Инне:

– Поехали, а то как бы тебя прямо здесь ночевать не оставили. Не бойся, обещаю, что хуже, чем есть, точно не будет.

Прежде чем ответить, Инна обвела глазами помещение конторы, носившей следы ремонта с потугами на европейский, но сделанного исключительно русскими и явно не очень трезвыми мастерами. Потом перевела взгляд на конторщиц, которым откровенно не терпелось сбавить Инну с рук и спокойно разойтись по домам. И поняла, что в одном мужчина

абсолютно прав: хуже, чем есть, будет уже вряд ли. Вздыхнув, как перед прыжком в воду, она посмотрела на Ларичева, который, облокотившись на конторскую стойку, глядел на нее в ожидании ответа спокойно, даже с сочувствием. Больше никакого намека на ту странную реакцию, что последовала сразу после их встречи. И вообще, сейчас он, невысокий, но крепкий, с испещренным оспинками смуглым лицом, с внимательными глазами, создавал впечатление сильного и надежного человека, способного протянуть другому руку помощи не из каких-либо побуждений, а просто так.

Встретившись с Вадимом взглядом, Инна хотела сказать, что согласна, но замешкалась, обуреваемая последними сомнениями. А мужчина понял все без слов. Молча шагнул вперед и подхватил ее многострадальную необъятную дорожную сумку. Инне ничего другого не оставалось, как последовать за ним на улицу к тихо рокочущему возле здания конторы лесовозу, словно родной брат, похожему на тот, что привез ее сюда. Но, оказавшись на едва освещенной пустынной улице, где продолжала разыгрываться непогода, девушка сразу пожалела о принятом решении. Куда проще было соглашаться в окружении ставших уже знакомыми женщин. А здесь, наедине с посторонним мужчиной, это решение вдруг показалось ей безумным. В чужую квартиру, к чужому человеку...

– Ну, что ты застыла, Иннуль? – спросил Ларичев, закинув в кабину ее сумку. – Давай, смелее, я помогу тебе взобраться.

– А... а мое служебное жилье при ФАПе и впрямь совсем уж непригодное для жизни? – обернувшись к нему, спросила Инна.

Вадим усмехнулся понимающе и кивнул:

– Забирайся. Я завезу тебя туда, чтобы ты все увидела своими глазами. А там уж сама решишь.

Обхватив Инну за талию, он поднял ее в кабину, очень похожую на ту, в какой девушка сидела совсем недавно, на пути от вокзала к конторе. Вот только здесь на торпедке сидела и приветливо кивала ей головой игрушечная псина, трехцветная дворняга с такой плутовской мордой, что Инна невольно улыбнулась, несмотря на все свалившиеся на нее неприятности.

– Это Шарик, – заметив ее взгляд, представил собаку ловко взобравшийся в кабину Вадим. – Мой напарничек.

– Хороший у тебя напарник. – Инна улыбнулась снова, теперь уже Вадиму.

– Шалопай, – добавил тот, трогаясь с места.

Фары взрезали ночную темноту, лишь слегка разбавленную уличными фонарями, но зато сильно взбаламученную метелью. И машина, словно могучий зверь, двинулась по улице. Глядя в окно – а что еще оставалось делать? – Инна отметила, что поселок не такой уж и маленький. От главной улицы то и дело ответвлялись более узкие, застроенные довольно большими, благо, леса здесь хватало, деревянными домами, которые убегали вдаль, теряясь в снежной круговерти. А ближе к центру стали попадаться и каменные многоэтажки. Правда, не городские небоскребы, но по три, а то и по пять этажей в них было. Инна насчитала их больше десяти, когда машина снова свернула на окраину. Там дома начали встречаться реже, а потом дорога и вовсе нырнула в сосновый лес. Вернее, в небольшой лесок, потому что проехали его меньше чем за пять минут, после чего Вадим притормозил и сказал Инне, включив дальний свет:

– Ну вот, любуйся, это и есть твои хоромы.

В свете фар вырисовывались очертания большого, далеко не изящного одноэтажного панельного здания, многие окна в котором были попросту заколочены.

– Тут все вместе, – стал пояснять Ларичев, – и, так сказать, регистратура, и приемная с процедуркой, и аптека. А в левом крыле служебное жилье.

Инна перевела взгляд в указанном направлении. Жилье устало на нее тремя заиндевевшими окнами, в одном из которых стекла наружной рамы оказались разбиты. Прав

был Степан, утверждая, что такое, с позволения сказать, жилье надо топить не меньше двух суток. И это только для того, чтобы поднять температуру даже не до жилой, а хотя бы до плюсовой отметки.

– Центральное отопление сюда не провели, потому что ФАП построили на отшибе, собираясь впоследствии расширять поселок, – продолжал пояснения Вадим. – Но все эти проекты только на бумагах и остались. От печки сейчас толку будет ноль, потому что стены проморожены. Да и едва ли удастся сразу ее растопить, труба-то наверняка забита. Как минимум снегом, а может, и еще чем, ведь ее уж год как никто не касался. – Не дождавшись от сраженной зрелищем Инны никакой реакции, Ларичев добавил: – К тому же есть еще одна причина, по которой тебе лучше остановиться у меня. Не хочу запугивать, но все же скажу: предыдущая фельдшер уехала отсюда после того, как была изнасилована. Несколько эков однажды ночью выломали дверь, и... Место, сама видишь, глухое, а у нас тут неподалеку, как раз с этой стороны, колония-поселение.

– О боже! – выдохнула Инна.

– Не паникуй. – Пытаясь хоть как-то успокоить, Вадим взял ее за руку. – Завтра выходной, я позову мужиков, и мы подремонтируем этот дворец, так что работать здесь днем будет можно. А вечером я буду забирать тебя на машине домой. Так тебе ничто не будет угрожать. Ни тебе, ни твоей репутации, – усмехнулся Ларичев. – Потому что, по утверждениям досу-жих кумушек, я уже давно импотент.

«Что-то непохоже, – подумала Инна. – Иначе бы ты не говорил об этом с такой легкостью». И, словно в подтверждение своих мыслей, вдруг заметила, что на правой руке Вадима, которой он все еще продолжал успокаивающе сжимать ее кисть руку, тускло блестит золотое обручальное кольцо. Увидев его, девушка опешила. А через минуту робко спросила:

– Вадим, а твоя жена как отнесется к моему появлению?

– Жена? – переспросил Ларичев чуть дрогнувшим голосом. Потом догадался: – А, кольцо!..

Да, кольцо он так и не снял, несмотря на то что многие пытались сказать ему, что это неправильно, что так нельзя. Но осекались, встретившись с его пронзительным, как стальной клинок, даже каким-то диким взглядом раненого зверя. Его глаза предупреждали: «Не смейте лезть ко мне в душу!» И люди отступали, замолкая на полуслове. А Вадим вопреки судьбе всему назло так и не снял кольца. И даже не надел его на левую руку, как того требовал обычай. Обручальное кольцо осталось тем единственным, что еще хоть как-то соединяло его с теми, кого он потерял. Потерял в один день, в один миг, на собственном горьком опыте познав одну простую истину: из всех несчастий, из всех глобальных мировых катастроф самая страшная беда – это та, что случилась с тобой. Потому что, как бы ты ни сочувствовал посторонним людям, слушая о свалившихся на них бедах, как бы ни болела о них твоя душа, все равно из-за них ты не будешь корчиться, задыхаясь, и биться головой о стену, больше всего на свете жалея о том, что остался жив...

– Никак, Иннуль, – ответил наконец Ларичев, чувствуя, что его молчание слишком затянулось. – Я вдовец.

Последняя фраза прозвучала глухо. На скулах Вадима заиграли желваки. Он ненавидел слово «вдовец» и каждый раз как бы переступал через себя, когда вынужден был его произносить.

– Прости. Я же не знала, – поспешила сказать Инна, поняв, что затронула слишком больную для мужчины тему.

– Ничего, – мотнул тот головой, словно отгоняя от себя какое-то видение. – Это случилось пять лет назад. Да, пять лет назад, – повторил он, устремив остановившийся взгляд куда-то за лобовое стекло. – И если ты согласишься жить у меня, я буду только благодарен.

Есть одна причина. Ты все равно скоро узнаешь о ней, учитывая здешние языки, так что скажу сразу: ты очень похожа на мою жену.

– Вот как?!

Инна смешалась. Поселиться в чужой квартире на правах живого призрака? От этой мысли ей стало не по себе. Не просто жить, а постоянно напоминать хозяину погибшую пять лет назад женщину...

– Пожалуйста, Иннуль. Я очень тебя прошу, – повернувшись к ней, тихо произнес Вадим. – Забудь о том, что я тебе сейчас сказал, просто займи любую комнату и живи! Я ничем тебя не стесню и даже буду кое в чем помогать. Ведь ты пока даже не представляешь себе тех сложностей, которые тебя ждут.

– Да нет, похоже, уже представляю, – вздохнула Инна, глядя на замерзшее здание ФАПа. И снова подумала: надо отсюда бежать. Бежать без оглядки. Только все же придется скоротать где-то время до утра. Поэтому она сказала: – Ладно, поехали. Я тоже постараюсь тебя не стеснить.

Ларичев благодарно кивнул, молча включил передачу и вывернул руль, отворачивая машину от мрачного насквозь промерзшего здания. И лесовоз, презрительно уминая колесами высокие снежные наносы, уверенно двинулся назад к главной улице поселка.

Как и предполагала Инна, жил Вадим в центре, в современной и действительно очень просторной квартире на третьем этаже пятиэтажного дома. Помогая ей раздеться, хозяин сказал:

– Выбирай любую комнату и чувствуй себя как дома. Если понравится моя, я с радостью ее освобожу.

Дверь в его комнату располагалась почти напротив входной двери. А находящаяся справа дверь вела в две смежные, современно обставленные комнаты. В одной – большой, проходной – стояли огромный телевизор и угловой диван. Сюда Вадим, похоже, иногда заходил. А дальняя, поменьше, уютная спальня, определенно посещалась им явно лишь с целью уборки. Ее-то Инна и выбрала для себя, рассчитывая провести здесь не больше одной-единственной ночи, но все же с содроганием мысленно спрашивая себя, где именно и как (не в этой ли самой комнате?!) умерла жена хозяина. Однако вслух спросить об этом у Вадима она, конечно, не решилась.

Бросив в кресло свою сумочку, девушка оглянулась на внесшего большую дорожную сумку мужчину:

– Я переоденусь...

– Конечно, – кивнул тот. – Буду ждать тебя на кухне. Ванну тебе набрать?

– Если можно, – неподдельно обрадовалась донельзя перемерзшая еще в поезде Инна. – И погорячее.

Ларичев улыбнулся, кивнул и вышел.

Через минуту распаковавшая сумку Инна услышала заманчивое журчание воды в ванной. Она достала из сумки чистое белье, халат и полотенце. Остальные вещи засунула обратно, хотя в комнате имелся пустой двухстворчатый бельевой шкаф-купе с призывно открытыми зеркальными дверьми. Но девушка твердо решила для себя, что не задержится ни в этой комнате, ни в поселке дольше, чем на одну ночь, а потому раскладывать вещи просто не имеет смысла.

Вадим, не ведая о ее планах, оживленно, словно в ожидании дорогой гостьи, хлопотал на кухне. Находясь в ванной, разнеженно погрузившись в теплую воду, Инна время от времени слышала тихий звон посуды и стук ножа по разделочной доске. А когда она решилась наконец выйти и, затягивая на талии пояс халата, открыла дверь, в нос ей ударили совершенно чудесные ароматы, напомнив о том, что за весь день проглотила лишь чай с печеньем, которыми новую фельдшерицу угостили в конторе.

– Ты все, Иннуль? – Вадим шагнул из кухни ей навстречу. – Тогда пойдем ужинать.

Просторное помещение, куда хозяин провел гостью, придерживая под локоток, условно разделялось на кухню и столовую. И в последней под уютно нависающим абажуром был сервирован стол. «Прямо как дома, – подумала Инна. – Скатерть, вазочки, фарфор, хрустальные рюмки...»

Повеяло чем-то родным, и – одновременно взгрустнулось.

– Садись, Иннуль. – Вадим обыденным и привычным, явно не на публику, жестом пододвинул ей стул.

Девушка села, взглянула на него с любопытством: такие манеры вряд ли можно получить в захолустной глубинке. Она-то это знала, потому что успела повидать на своем веку много всякого народа. Ее мама была преподавателем музыки и нередко занималась с учениками на дому. С детства наблюдая за мамиными учениками, а также за их родителями, Инна пришла к выводу: как ни старайся, а в обычной семье аристократа не вырастишь. Ей были симпатичны простые добрые люди, дающие своим отпрыскам музыкальное образование, чтобы те выросли культурнее и образованнее родителей, но вот привить им хорошие манеры у взрослых как-то не очень получалось: дети всегда невольно копировали то не слишком изысканное поведение, которое ежедневно наблюдали в семье...

– О чем задумалась, Иннуль? – прерывая ее размышления, поинтересовался Вадим. – Или сильно устала?

– Устала, – кивнула девушка, возвращаясь к реальности и переводя взгляд на стол. И еще больше поразилась, увидев расставленные там кулинарные изыски. – Ты это сам готовил?

– Ну а кто же еще, Иннуль? – Продолжая ухаживать за ней, Вадим, по ее выбору, положил на тарелку гостии отбивную с хрустящей картошкой, крошечные маринованные грибочки и салат. Немного помолчав, добавил: – Научился, пока дома сидел, у жены на шее. Кстати, Ларка, моя жена, когда мы только приехали сюда, тоже некоторое время работала фельдшером.

Последний сообщенный факт был для Инны не лишен интереса, но первый озадачил гораздо больше.

– Сидел на шее? – переспросила она.

– Не в прямом, конечно, смысле, – невесело усмехнувшись, ответил Ларичев. – Дело в том, что работать я тогда не мог, был прикован к инвалидному креслу... Тебе вина налить или водки?

– Налей вина. Чуть-чуть.

Все больше удивляясь, Инна приняла из рук хозяина хрустальную рюмку и подняла на него глаза, ожидая, не расскажет ли тот еще что-нибудь. Но он, плеснув себе водки, лишь коснулся своей рюмкой края Инниной:

– Давай выпьем за твой приезд.

Вино горячей волной скатилось в пустой желудок и почти сразу мягким туманом поднялось к голове. Инна взялась за вилку, не забывая хвалить кулинарное искусство Вадима.

– Ты ешь, ешь, – по-доброму улыбнулся мужчина. – И что только тебя, такого зайчонка, занесло в наши глухие края?

«А тебя? – хотелось спросить Инне, украдкой наблюдавшей теперь за тем, как Вадим ведет себя за столом. – Воспитание ты явно получил не на местных задворках».

Но решиться и спросить не успела, Ларичев ее опередил:

– Прости за некорректный вопрос, но сколько тебе лет, Иннуль?

– Двадцать пять, – немного приврала она. Вообще-то столько ей стукнет лишь грядущей весной, а именно в мае.

– Никогда бы не дал, – удивился Вадим. – На вид совсем девчушка.

– Если только на вид, – вздохнула Инна. – А на деле... И замуж успела сходить, и прожить почти четыре года семейной жизнью, и училище закончить, и ребенка похоронить, – неожиданно для себя самой брякнула она. Но накипело за эти дни на душе, да и алкоголь сделал свое дело, развязав язык. Ее знакомые, кстати, шутили: для того, чтобы захмелеть, ей достаточно посидеть рядом с бутылкой пива.

– Да ты что?! Как же это?! – Судя по неподдельному участию во взгляде, вопрос Вадима касался последнего сообщенного Инной факта.

– Патология, несовместимая с жизнью... – отвечая на него, снова вздохнула девушка. – Что, быть может, даже к лучшему, – ожесточенно добавила Инна. – Иначе неизвестно, как все было бы дальше: от нашего папы-наркомана хорошей наследственности ожидать нельзя.

Она произносила не свои слова, а те, которыми не раз пыталась утешить ее мама, пряча подальше от глаз дочки купленные «в приданое» будущей внучке нарядные чепчики и распашоночки. Но утешение получалось слабым, потому что кроха с посиневшим личиком и мучительно сжатыми кулачками снилась Инне по ночам. Не выдержав, девушка и сейчас всхлипнула и тут же прижала к губам плотно сжатые пальцы, привычно заставляя себя успокоиться.

– Иннуль... – Вадим подсел к ней поближе, провел теплой ладонью по ее напряженному плечу.

Инна ожидала, что он сейчас, как многие знакомые, примется ее утешать, произнося банальные, подходящие к случаю фразы. Но мужчина лишь молча посмотрел ей в глаза. И выразил этим больше, чем другие могли бы сказать словами. А потом уточнил, скорее утверждая, чем спрашивая:

– Ты из-за этого приехала сюда...

– И из-за этого тоже, – кивнула Инна. – Но больше из-за Юрки, из-за мужа. Иначе нам с ним было никак не расстаться... Я его очень любила, – почти не отдавая себе в том отчета, принялась вдруг рассказывать Инна. – Он очень хороший, умный, талантливый, добрый человек... был. Поначалу я даже и предположить не могла, что Юра наркоман. Ну, бывал иногда какой-то уж слишком оживленный, но ведь темперамент у всех разный. Зато для друзей, для меня, а иногда и просто для окружающих людей был порой готов в лепешку разбиться, чтобы сделать что-то хорошее. Посочувствовать, помочь – об этом его никогда и не надо было просить. И я его так любила! За доброту, за человечность, за мягкость характера. А позже узнала, что многие наркоманы в начальной стадии бывают именно такими. Или именно такие чаще становятся наркоманами. Я уж и не знаю... Почти два года мы прожили с ним, как в раю, и я даже ни о чем не подозревала. А потом Юра начал изменяться. Резко, неузнаваемо. Я, глядя на него, поначалу отказывалась верить в происходящие, все терпела и пыталась списать перемены на проблемы, возникшие у него на работе. И даже не думала о том, что проблемы эти возникли не на пустом месте, а именно из-за него. В общем, вместо того чтобы попытаться все выяснить, я заняла позицию испуганного страуса: голову в песок и ничего плохого не вижу, ничего не слышу. Конечно, до меня стали доходить нехорошие слухи, но мне было страшно узнать правду наверняка. В результате на меня свалилось все и сразу: я узнала, что беременна и что мой муж героиновый наркоман с немалым стажем. Несмотря на последнее открытие, аборт я все-таки не сделала. Очень хотела ребенка, надеялась на лучшее. А тут УЗИ показало, что будет девочка... Я сообщила об этом Юрке, и он как будто тоже был рад. Но потом я заговорила с ним о том, что знаю о его болезни и что ему необходимо лечиться. Лучше бы я и дальше молчала! Потому что от нашего разговора получился совершенно обратный эффект: поняв, что мне все известно, Юрка перестал от меня таиться. А его поведение стало меняться уже не по дням, а по часам. Он не стеснялся появляться передо мной обколотым, начались истерики, жуткие, шокирующие. Уже откровенно, а не отговариваясь, будто потерял, Юра начал тащить из дому вещи. И все чаще стал

приводить своих дружков, таких же ненормальных, как он сам. Несколько раз, спасаясь от них, мне приходилось убегать из квартиры среди ночи. А муж на это даже не реагировал, продолжая деградировать, как любой наркоман. Я, конечно же, не сразу смирилась, пыталась за него бороться. Сколько литературы прочитала, сколько сайтов облазила, клиники искала! Но поняла лишь одно: если человек не хочет, не стремится вылечиться сам, то никто в мире, будь хоть семи пядей во лбу, не сможет ему помочь. И чем яснее я это понимала, тем больше у меня опускались руки. К тому же сама я чувствовала себя очень плохо – из-за постоянной нервотрепки, из-за сильного токсикоза. Мама долго уговаривала меня переехать к ней, но только после одной кошмарной ночи, когда один обколотый идиот из наших теперь уже постоянных «гостей» кинулся на меня с ножом, я, опасаясь за ребенка, бросила все и убежала к маме в чем была. Но на том наши с мужем взаимоотношения не кончились, наступил следующий этап: наконец-то заметив мое отсутствие и сообразив, что я от него ушла, Юрка начал обивать наш с мамой порог днем и ночью. Нет, он не просил прощения, а просто закатывал истерики, в чем стал большой мастер. Обещал то нас убить, то покончить с собой. А иногда требовал денег на очередную дозу. И мы изредка давали, порой последнее, лишь бы только он ушел. Но когда кончался очередной кайф, Юра возвращался. Однажды, когда мама раскричалась на него, пытаясь прогнать, он кинулся на нее. Я бросилась их разнимать. А через несколько минут, когда муж трусливо сбежал, меня увезли на «Скорой». Дочка прожила всего полчаса после своего рождения...

Инна замолчала, переводя дыхание. Машинально взяла и залпом осушила поданную Вадимом рюмку, потом с ожесточением продолжила:

– Юра пришел на похороны. Рыдал и обвинял во всем маму, якобы та подбила меня избавиться от ребенка. И продолжил к нам приходить как ни в чем не бывало. Иногда я еще жалела его, вспоминая начало нашей с ним жизни и его доброту. Но чаще ненавидела, потому что этот человек утратил все свои хорошие качества – не только доброту, но и совесть и даже частично рассудок. Полиция в наши дела не вмешивалась, они в таких случаях предпочитают сохранять нейтралитет, а лишенные покоя соседи начали смотреть на нас с мамой зверьми. И вот тогда я решила уехать подальше. У мамы есть мужчина, с которым она встретилась больше года назад, но все никак не решалась с ним съехаться, потому что не могла оставить меня. Уехав сюда, я развязала ей руки, мама смогла переехать к нему. Теперь ни до одной из нас Юрке не добраться.

Инна снова замолчала. Потом вдруг призналась:

– Знаешь, я сегодня, насмотревшись здесь всего, решила, что непременно сбегу.

– Я догадался, – кивнул Вадим. – Ты ведь даже вещи не стала распаковывать. Да и весь твой вид говорил за тебя.

– А сейчас вот, снова вспомнив все, поняла, что никуда отсюда не уеду, даже если мне придется ночевать в лесу.

Словно специально дождавшись этих слов, вдруг ожил Иннин телефон.

– Да, мамуль, – ответила на вызов девушка.

– Инночка! Ну что же ты молчишь? – полетел из трубки взволнованный голос. – То не звонишь, то недоступна... У тебя там все в порядке?

– Все превосходно, мамуль, – бодро соврала Инна. – Встретили прекрасно, устроили, даже ужин организовали. Думаю, буду здесь работать с большим удовольствием. Прости, что не позвонила тебе, просто столько новых впечатлений, столько событий сразу...

Глядя на Инну, Вадим молча слушал ее замешанную на правде ложь. А потом, когда она, попрощавшись с мамой, убрала трубку в карман халата, кивнул:

– Впечатлений и впрямь было немало.

– Но не могла же я ей сказать, что... – начала было Инна.

– Иннуль, – мягко прервал ее Ларичев, – может, действительно все будет не так уж плохо, как сейчас кажется.

– Может быть, – без особого энтузиазма кивнула девушка. – Но пока если мне с чем-то сегодня и повезло, так это только с тобой. Спасибо тебе, Вадим! Спасибо за все!

– Это тебе спасибо, – ответил мужчина, не уточняя, за что именно благодарит гостью.

Но Инна поняла. Кивнула. Вздохнула. И вопросительно посмотрела на него, ожидая, что тот хоть что-то расскажет о себе. Однако Вадим только заметил:

– Ты устала, Иннуль. Положить тебе еще чего-нибудь? Или пойдешь отдыхать? Постель я тебе застелил. Поверь, с утра, на свежую голову, твоя новая жизнь предстанет уже не в таких мрачных красках...

– Что ж, – устало проведя рукой по лицу, Инна поднялась, – будем на это надеяться.

Вернувшись в свою комнату – теперь спальня показалась ей своей! – Инна легла не сразу. Оставив вещи как есть, нераспакованными, она долго стояла у зеркальных дверей шкафа, рассматривая свое отражение. Светлая кожа, маленький нос, полные губы, из которых верхняя круто, как бы немного капризно изгибающаяся, удлинённые глаза, серо-синие, сейчас очень несчастные... Рассматривала и спрашивала себя: насколько сильно она похожа на жену Вадима? И что же случилось с женщиной, не только жившей в этой квартире, но еще и, оказывается, работавшей там же, где собирается работать она, Инна? И не смотрелась ли когда-то Лариса в то же самое зеркало? Вот так же, с такого же близкого расстояния...

От таких мыслей Инне становилось немного не по себе.

В это самое время он стоял у окна и курил, выдыхая дым в открытую форточку. Сон к нему сегодня не шел, и даже выпитая водка не помогала успокоиться. Причиной была Инна, которая не шла у него из головы. С того самого мига, как увидел ее сегодня в конторе, он просто не мог не думать о ней. Один взгляд на девушку перевернул всю его душу! Только бы она не надумала уехать отсюда, фельдшеры ведь бегут из их поселка... Так только бы Инна осталась!

Ни одна из его прежних жертв не могла с ней сравниться. Ни одна. Впрочем... Он замер, прислушиваясь к своим внутренним ощущениям. Хотелось ли ему, чтобы Инна стала его жертвой? Лучшей, избранной жертвой, после которой и самому умереть не жалко, поскольку ничего подобного во второй раз все равно невозможно уже будет пережить? Или... Что-то шевельнулось в душе, требуя совсем иного. Взять ее, стиснуть, но не в смертельных объятиях, а просто так, от избытка чувств. Сделать своей королевой, окружить заботой и лаской. И – как знать! – быть может, она, эта нежная женщина-девочка, сама похожая на трепещущую под ладонью жилку, сумеет изменить его жизнь? Вдруг с ней он познает такое счастье, о каком даже уже и не мечтал? И удовольствие, о котором не подозревал, когда душил других женщин? Она не такая, как все. И никогда бы не стала истерично орать на него, за что ему пришлось придушить ту, свою первую...

Он снова глубоко затянулся, глядя в окно. Так чего же он хочет от Инны? Хочет страстно, так что все аж сжимается внутри и томно давит на низ живота... Ее смерти? Не такой, как предыдущие, а по особо подготовленному, много раз пережитому в мечтах сценарию, прекрасной, как сама Инна? Или, наперекор всему, жизни?

Так и не найдя ответа на свои вопросы, он выбросил окурок в форточку, проследил взглядом, как тот, разгоревшийся в полете-агонии, выписал огненную дугу, перед тем как коснуться снега. Агония... Красивое, но кратковременное зрелище. Он мог судить об этом как специалист.

Усмехнувшись, он потянулся было за второй сигаретой и – замер, задумался. Да, обычно фельдшеры у них в поселке долго не задерживаются. Но если Инна останется здесь, в Боровом, хотя бы на полгода, он успеет определиться. А потом все осуществит. Только бы

осталась! Ну хотя бы на полгода! Чтобы ему не нужно было торопиться. И тогда сами по себе эти месяцы от одного только ее присутствия здесь станут самыми волнующими, самыми необыкновенными из тех, что ему доводилось переживать. Он улыбнулся в предвкушении. Нежно провел себя по брюкам рукой и, отойдя от окна, принялся нетерпеливо расстегивать ширинку. О той женщине, которую убил сегодня, он, захваченный теперь мыслями об Инне, уже и не вспоминал.

Вчерашняя поездка в ледяном вагоне не прошла для Инны даром. Это она поняла посреди ночи, когда вдруг проснулась от сильного озноба. Благо, одеяло было очень большим и теплым, и, плотно закутавшись в него, Инна все-таки смогла в конце концов отогреться. Но чувствовала себя под утро так, будто вчера не то что вагон, а весь состав тащила на себе сама. Горло, нос, глаза, голова, суставы и кости – все тело принялось мстить за вчерашнее переохлаждение болью и ломотой, причем так дружно, что Инна даже боялась лишней раз пошевелиться.

Когда рано утром в дверь ее комнаты тихонько постучали, она, не поднимая головы, лишь просипела:

– Да?

Створка приоткрылась, Вадим просунул в щель голову.

– Иннуль, прости, что разбудил. Я тут организовал мужиков, сейчас поеду с ними на ФАП и...

Что он хотел еще сказать, Инна так и не узнала. Потому что, разглядев ее лицо, едва виднеющееся из-под одеяла, мужчина резко замолк и кинулся к ней.

– Мать честная! Инка, да ты вся горишь! – воскликнул он, едва коснувшись рукой ее лба. – Простыла вчера! Как же ты так, а? Мне бы, дураку, надо было такое предусмотреть и водкой тебя накачать, не спрашивая. А теперь...

– Пройдет, – прошептала девушка с виноватым видом.

– Ага, – кивнул Ларичев, – как у нас один шофер говорит: «Вывезу, если не забуксую». Эх ты, сапожник без сапог! Что же мне с тобой делать-то? Меня ведь ждут мужики. Полчасика еще продержишься? Я быстро, Иннуль! Составим на месте фронт работ, и вернусь.

– Не надо... – через силу прохрипела Инна. Ей было очень неловко и от создавшейся ситуации, и от тех хлопот, что она доставляет.

Но Вадим, не став ее слушать, был, судя по звукам, уже у входной двери.

Вернулся он действительно быстро, Инна даже не успела еще отогреться после того, как буквально сползала в туалет. И занялся больной вплотную, со всем знанием народных способов лечения. Напоил чаем с малиной, укутал, растер ноги какой-то мазью, а напоследок заставил прополоскать чем-то горло. Мнения Инны, как специалиста, Вадим и не спрашивал: она же была слишком слаба, чтобы возражать. А вскоре почувствовала, что возражать и не стоило, потому что ей стало значительно легче. «Еще, как говорится, не живой человек, но уже и не мертвец холодный», – подумала девушка, усмехнувшись про себя.

Вадим, что-то успевший приготовить на кухне, снова был тут как тут.

– Надо переодеться, – вынес он вердикт. – Ты вся мокрая, как мышонок. Потом поешь, еще раз прополощешь горло и попытаешься уснуть, а я снова поеду к мужикам.

– Неудобно-то как, – вздохнула Инна. – Не успела приехать, и вот...

– Неудобно руль крутить, лежа на капоте, сам как-то раз проверял, – прервал ее Вадим.

После чего сгреб больную в охапку вместе с одеялом и перенес в кресло. Заново перестелил постель, после чего спросил:

– У тебя есть запасная ночнушка?

– Есть рубашка с рукавами.

Инна подалась вперед, к сумке, но он ее удержал, не дав выпутаться из одеяла раньше времени. Часть вещей, спросив, не возражает ли гостя, выложил в поисках нужного в шкаф, а потом встал над Инной, держа в руках рубашку, и объявил:

– Ты сейчас полчаса будешь копаться с переодеванием, остынешь, и все начнется по новой. Так что лучше я тебя быстро переодену.

– Да ты что? – От такой перспективы у Инны даже голос прорезался. Правда, тут же снова сел, поэтому последние два слова она снова просипела: – Я сама!

– Никаких возражений! – Он даже спорить с ней не стал, приступая к делу. – Ты медик, должна все прекрасно понимать. И мне сейчас не до того, чтобы тебя разглядывать. Тем более что голых девчонок я уже видел.

– Вот уж никогда бы не подумала, – съязвила быстро переодетая и тем же способом завернутая в одеяло, снова возвращенная на кровать Инна.

Вадим насмешливо взглянул на нее и выдал свое резюме:

– За разговорчики со старшим по званию лишняя тарелка супа!

Но принес вопреки угрозам только одну. Инна и ее осилила с трудом, ей все еще было очень плохо. Поэтому, поев, она безропотно перенесла прописанные Вадимом процедуры, просто по-детски доверившись ласковой заботе его добрых рук.

– Ну как ты? Получше? – участливо спросил Ларичев после того, как девушка в изнеможении откинулась на подушки.

– Получше, – честно ответила Инна. – Благодаря тебе.

Он лишь улыбнулся в ответ, укрывая ее поплотнее.

– Попытайся теперь уснуть. А я пока съезжу на ФАП, мужикам помогу.

Но сразу уйти ему не удалось, потому что минуту спустя мелодичная трель звонка на входе в квартиру дала понять, что к Вадиму явились гости. Едва хозяин открыл дверь, как кто-то громко и оживленно заговорил. До слуха Инны донеслось слово «фельдшер», и она, несмотря на свое болезненное состояние, все-таки наострила из-под одеяла ушки. Но больше ничего не услышала, потому что Вадим довольно бесцеремонно вывел посетителей на лестничную площадку, и беседа продолжилась уже там. А потом он вернулся в прихожую, чтобы одеться, и сразу ушел.

Вслушиваясь в его удаляющиеся шаги, Инна закрыла глаза. Тепло одеяла и комнаты окутывало ее, расслабляя. И на душе было тепло. От слов и от заботы Вадима. И даже просто при воспоминании о нем. Впервые за последние дни Инна даже улыбнулась, засыпая.

Вадим пришел поздно вечером. Первым делом заглянул в комнату к Инне, тихонько приоткрыв дверь.

– Все в порядке, – доложила она.

– А чего тогда лежишь в темноте? Выключатель же под рукой. – Мужчина шагнул в комнату, потрогал рукой ее лоб и удовлетворенно кивнул. – Порядок. Сейчас буду тебя кормить. Только переоденусь и сполоснусь, ладно?

– Не торопись. И сам вначале поешь. Устал? – спросила Инна.

– Немного, – признался Ларичев. – Но сегодня почти справились, завтра остались мелочи. Вставили на твоём ФАПе окна, уплотнили, утеплили, прочистили трубу, растопили наконец-то печь, полы подправили, двери, светильники, лишний хлам вывезли, дров накололи. В общем, много чего сделали. А под конец Степка, который, как я понял, тебя в поселок привез, деда Митю организовал за печкой последить, тому все равно по ночам не спится. Кстати, баба Клава его давлением мучается, так что будет твоей первой пациенткой.

– Ты для меня прямо как добрый ангел, – выслушав, улыбнулась Инна.

– Ну, не я один. Однако я тоже стараюсь. – Вадим подмигнул ей и исчез за дверью.

Вернулся скоро, пахнувший свежестью, в белоснежной футболке, красиво облегающей мускулистые плечи и грудь. Подкатил к Инниной кровати накрытый к ужину столик на колесиках и сел в кресло по другую сторону от него.

– Я тут, с тобой побуду. Ничего? Не успела ты здесь появиться, а мне уже скучно без компании. К хорошему привыкаешь быстро.

– Да что уж тут хорошего? Одни заботы тебе, – вздохнула Инна.

– Хорошо уже то, что есть о ком заботиться, – серьезно ответил Ларичев, подавая Инне тарелку.

Ели молча, но, когда дошло до чая, Инна не выдержала и спросила:

– Вадим, а кто сегодня приходил? Мне показалось или правда какие-то люди меня спрашивали?

– Спрашивали, – кивнул он. – Местный участковый заезжал, а с ним несколько мужиков. Но получили от ворот поворот, потому что там ты помочь ничем не могла, даже если бы была в состоянии.

– А что им было нужно? – снова спросила Инна, так как Вадим замолчал.

– Иннуль... – Ларичев явно не хотел говорить на эту тему, но под ее настойчивым взглядом сдался: – Женщину мертвую в лесу нашли, уже не первую по счету за последние два года. Она пропала вчера, а сегодня ее обнаружили. Изнасилована и задушена. Вот Валерка, наш участковый, и заехал за тобой по пути, с чего-то вдруг решив, что ты как фельдшер тоже должна присутствовать при осмотре тела.

– О боже! – выдохнула Инна. – А несчастная точно была мертва? Может, для нее что-то еще можно было сделать?

– Нет, Иннуль, уж поверь моему опыту. И успокойся.

– Опыту? – ошеломленно переспросила Инна.

– Именно, – кивнул Ларичев. И пояснил, видя, что она не сводит с него глаз: – В прошлом я кадровый военный. И поскольку у нас в стране, как и за рубежом, почти всегда имеются горячие точки, то их хватило и на мою долю. Там я и на жизнь, и на смерть насмотрелся. Поэтому точно могу сказать, что в данном случае уже ничем нельзя было помочь, как бы ни хотелось.

Девушка опустила глаза. А потом спросила, сжимая в руках остывающую чашку с чаем:

– Ты из-за этого и ушел из армии?

– Нет, Иннуль. Из-за этого оттуда не уходят. Наоборот – остаются. Вместо тех и за тех, кто погиб. И я не ушел бы. Но... Понимаешь, мы, я и мои салаги-мальчишки, попали в горах под обстрел гранатомета. Нужно было выводить солдат оттуда любой ценой, а в результате это они меня вынесли.

– И что? – тихо спросила Инна, поскольку Вадим замолчал.

– И ничего. В медсанчасти приняли меня у ребят из рук, после чего начали латать и передавать по этапу: на «вертушке» в центр, а оттуда, уже на самолете, в Москву, в госпиталь. А потом комиссовали меня по состоянию здоровья, сообщив напоследок, что я больше никогда не смогу ходить. Даже на костылях. И я действительно никогда не смог бы, если бы не Ларка, которая тогда работала в военмеди медсестрой. Что она во мне нашла? До сих пор не знаю. Там было полно подобных мне – прикованных к постели калек. Но Лариса почему-то чаще останавливалась именно возле моей кровати. А я ее ждал, высматривал еще издали. Ну и закрутилось у нас. Только я и подумать не мог, что у нее, как и у меня, чувства тоже зайдут так далеко. И что, когда встанет вопрос о моей выписке, она бросит все – и свою работу, и Москву – и поедет со мной сюда, в захолустье. Я ругал ее, гнал от себя. А потом, когда устал уже гнать и ругаться, еще долго отказывался жениться на ней. Все ждал, что Ларка одумается. Не одумалась. Осталась. Устроилась работать на ФАП. Уставала, конечно,

нервничала, но мне старалась этого не показывать. Вот тогда я и начал задумываться над тем, что ждет нас с ней обоих. И стал заниматься собой. Всерьез. Делал это, когда ее дома не было, потому что боли были адские. Сказать, что прошел через слезы и сопли, – это ничего не сказать. Я просто рыдал. Иногда даже сознание терял. Если б у меня не было Ларки, я никогда в жизни такое не выдержал бы. Да и просто бы не решился на такие мучения, не хватило бы сил. Но она была рядом, и я делал это не ради себя – ради нее, чтобы она не была прикована к мужу-инвалиду. И в конце концов встал на ноги. Вначале с костылями, которых мне тоже не обещали, а потом... – Вадим мотнул головой. – В общем, выкарабкался. И женился-таки на ней, стоя уже на своих ногах.

Ларичев замолчал, и, судя по его посветлевшему лицу, можно было предположить, что он сейчас вспоминает счастливый день свадьбы. День, ради которого прошел через все муки, но зато с полным правом, уже не сомневаясь ни в чем, смог назвать горячо любимую женщину законной женой. Инна и до его рассказа не сомневалась в том, что он ее любил, но, насколько сильно, поняла только теперь. И подумала: любить сильнее вряд ли было возможно.

– И стали мы жить, – возвращаясь к реальности, вздохнул Вадим. – Я начал работать, а ее заставил уволиться. Не хотел больше, чтобы она там изводилась, на том злополучном ФАПе, на отшибе. Тем более что вскоре после нашей свадьбы Ларка забеременела. Стала хорошенькой, как пушистый котенок. Я, глядя на нее, все смеялся, что не отстану, пока она не родит мне как минимум троих. А получилось...

Вадим сжал лежащие на коленях руки в кулаки. И продолжил, не поднимая головы.

– Схватки у нее начались немного раньше срока, здесь, дома. Мы вызвали из города «Скорую», начали собираться. И вдруг Лариса как-то растерянно посмотрела на меня: «Вадька, кажется, «Скорая» не успеет, придется тебе осваивать новую профессию». Я, конечно, испугался, но сделал все как надо, тем более что руководитель у меня был отличный и держался молодцом. Родился мальчишка, чудесный пацан. По-моему, очень похожий на Ларку. Я как раз довольно безуспешно пытался его запеленать, в то время как он очень даже успешно воевал со мной, препятствуя этому, когда приехала «Скорая», которую мы почти уже и не ждали. Лару положили на носилки, чтобы отвезти в роддом. Малыша я донес до машины сам. Думал ехать с ними – не хотелось выпускать его из рук, – но жена засмеялась: «Вадька, не сходи с ума, нечего тебе нести караул у роддома под окнами. Все уже позади. Убереешь квартиру и спокойно приедешь потом. А я тебе список вещей пришлю, если чего-то забыли». Это были ее последние слова. Я, как дурак, отдал врачу сына и позволил им уехать без меня...

Вадим, говоривший с трудом, снова умолк. Глядя на него, Инна не смела спросить, что случилось. Хотя, кажется, уже догадывалась. И Ларичев, собравшись с духом, подтвердил ее догадку:

– Они попали в аварию на полпути. Столкнулись два лесовоза, один из которых был загружен под завязку, а между ними – «Скорая». От нее практически ничего не осталось.

Резко поднявшись, Вадим вышел из комнаты. Инна беспомощно смотрела ему вслед. Девушка могла бы встать и пойти за ним, но понимала, что мужчине вряд ли хочется сейчас кого бы то ни было видеть. А еще понимала теперь, почему вчера, слушая о ее погибшей дочке, он не стал ее утешать: потому что знал, что все произнесенные слова будут пусты и бессмысленны. Знал, что в таких случаях невозможно утешить.

Но, выждав время, Инна все-таки не выдержала и поднялась. И пошла на кухню. Вадим курил, стоя лицом к окну, и выдыхал дым в открытую форточку. Тихо подойдя к нему со спины, девушка положила руку на его плечо:

– Вадим... Я не буду тебе ничего говорить.

Он едва заметно вздрогнул – видимо, настолько задумался о своем, что даже не заметил, как Инна подошла. Потом благодарно накрыл своей ладонью ее руку, лежащую у него на плече, погладил. А потом, как будто стряхнув с себя наваждение, раздавил окуроч в стоящей на подоконнике пепельнице, резко захлопнул форточку и развернулся к ней:

– Инка, какого лешего ты здесь делаешь? Больная, а тут форточка нараспашку. А ну, марш в кровать!

Девушка улыбнулась ему, нисколько не испугавшись этого показного гнева. Но он от слов сразу же перешел к действиям, подхватил ее и понес, продолжая ворчать на ходу:

– Едва ожила – и сразу бегать. Ремня б тебе всыпать, да руки заняты!

Вадим выходил Инну за четыре дня. Провел с ней почти все воскресенье, а потом вышел на работу, но все равно находил возможность в течение дня забежать домой. Из его рассказов Инна узнала, что часть леса отвозят на лесопилку и на деревообрабатывающий комбинат, отправляя потом из поселка уже готовую продукцию. Такие рейсы обычно не бывают долгими, время в пути варьируется в зависимости от погоды и от дальности вырубki. Гораздо более продолжительными являются те, когда машины увозят лес или доски на железнодорожный вокзал, для погрузки в вагоны. Или в город, на заказ. Выслушав Инна и другие незначительные новости, позволившие ей, не вставшей пока с постели, понемногу включиться в жизнь поселка.

Еще она познакомилась с Марьвасильной, как женщина представилась сама, соседкой со второго этажа. Та зашла в гости вечером в понедельник, принесла горячих пирожков. И немного поболтала, согласившись выпить чаю «за знакомство». Других посетителей, уже пытавшихся достучаться до нового фельдшера, Вадим очень вежливо, но непреклонно отправлял восвояси. А на робкие возражения Инны, что это, мол, ее работа, отвечал:

– Доверься мне, Иннуль. Я местный народ знаю. И специфику работы фельдшера на селе тоже успел изучить. Если сразу четко не обозначить границы между ФАПом и домом, то некоторые к тебе и по ночам начнут прибегать только из-за того, что в боку разок кольнуло.

– А что же тогда для Марьвасильны исключение сделал? – лукаво спросила Инна.

– Во-первых, она никогда не хнычет по пустякам, – серьезно ответил Вадим. – А во-вторых, соседка мне как мать.

Инна в очередной раз удивилась, но не стала расспрашивать Вадима, что да как, уже успев понять, что тот не слишком-то любит рассказывать о себе. Позже, решила девушка, время на это еще будет.

А в среду Инна, заявив, что хватит ей прохлаждаться, вышла на работу. Точнее, Вадим ее туда отвез, предварительно растопив и так уже несколько дней не остывавшую печку.

ФАП оказался не только оперативно отремонтирован, но и чисто вымыт чьими-то заботливыми руками. Потолок, стены, пол – ничто не носило на себе следов недавнего запустения. Ни пыли, ни паутины. ФАП сиял, как потерявшийся и снова нашедший хозяйку пес. Помещения встретили Инну теплом, светом и – мужики здесь плотничали не зря! – запахом свежего леса. А еще – полным беспорядком в инвентаре и бумагах. Передавать Инне дела было некому, об этом ей сообщили еще в конторе, в день ее приезда. И Вадим здесь уже ничем не мог ей помочь, надо было справляться самой. Поэтому она, пока весть о выходе фельдшера на работу еще не разнеслась по поселку, взялась за дело.

Прежде всего ее интересовали, конечно, бумаги. Особенно – амбулаторные карты живущих в Боровом людей. Инна принялась разбирать их по фамилиям, по алфавиту, торопясь справиться как можно быстрее. Причина на то была очень веская: у нее ведь практически не имелось никакого опыта работы. Да, она окончила училище с отличием, а в институт не пошла лишь по сугубо личным обстоятельствам, да, привезла с собой немало справочников. Но ведь всего не вызубришь и не учтешь. А в картах содержались записи, сделанные ее

предшественниками. То есть это был наглядный образец того, как нужно вести документы, а заодно и шпаргалка – пролистав карты, всегда можно увидеть, что в аналогичном случае предпринимали более опытные фельдшеры и насколько действия коллег помогли. Вот Инна и разбирала карты, пухлые и не очень. Некоторые, уже разваливающиеся, откладывала для ремонта. Другие бегло просматривала, заинтересовавшись вынесенным на первую страницу кодом.

Например, по амбулаторной карте она вычислила «Захарушку», того мужчину со шрамом на лице, которого видела в конторе в день своего приезда в Боровое. Имя его оказалось Захар Топилов. Мать не придумала ничего лучше, как ударить своего сына, бывшего тогда подростком, по голове и лицу горячей кочергой. Инна поежилась, откладывая эту карту в сторону. Удивительно, как при такой мамаше парень вообще остался в здравом рассудке!

Впрочем, случалось в поселке немало и других драм, нашедших отображение в амбулаторных картах. Правда, пока не было времени детально изучать все, но Инна рассчитывала сделать это в ближайшем будущем. И лишь одну карту она не отложила торопливо, а надолго задержала в руках – карту Вадима.

Белоснежным уголком из ее пожелтевших страниц выбивалась выписка из военмеда. Инна развернула жесткий листок качественной, нежелтеющей бумаги, разгладила ладонью, прочитала имя пациента – старший лейтенант Вадим Ларичев. А дальше сухим официальным языком перечислялись полученные офицером ранения. «Оспинки» на его лице на самом деле оказались последствием взрыва. Но самым страшным было осколочное ранение, от которого пострадал позвоночник.

Инна накрыла листок рукой и задумалась, устремив невидящий взгляд в стену. Вадим был ранен не в спину, как ей подумалось вначале, а в живот. Значит, вот что означали оброненные им слова «любой ценой». Он до последнего прикрывал отход своих салаг-мальчишек. Хотя и сам был по возрасту ненамного старше них. Но опытнее. И главное, чувствовал свою ответственность за их жизни. Впрочем, «салаги» тоже не ударили в грязь лицом, не бросили своего лейтенанта, вытащили раненого. Еще даже не зная, на радость или на беду.

Девушка перевела взгляд на нижние строчки официального документа. Заключение ВТЭК: инвалид первой группы. Бессрочно. То есть на всю оставшуюся жизнь. А он взял и перечеркнул этот приговор. Потому что рядом оказалась любимая женщина, вдохновившая его на самый трудный в его жизни подвиг. Инна перелистнула страницы карты. Вот идут записи, сделанные ее рукой. Тоже официальные, как полагается. Сухие, лаконичные. Только факты. Но рука явно иногда дрожит, выдавая, что чувствовала писавшая их женщина. А кое-где чернила расплылись от невольной оброненной на страницу слезинки. У Ларисы Ларичевой был свой собственный подвиг. Уже никто не узнает, что такого бывшая медсестра нашла в израненном лейтенанте, но, забыв про себя, она дала ему ту точку опоры, которая позволила инвалиду подняться на ноги...

На крыльце кто-то затопал, стряхивая снег с обуви. Это отвлекло Инну от раздумий. Бережно разгладив листки, девушка отложила амбулаторную карту в сторону от остальных и выглянула из кабинета навстречу входящему с улицы.

– Здравствуй, доча! – Юркая бабулька уже вешала на вешалку у дверей свой пуховый платок. – А я смотрю, свет в окнах горит. Дай, думаю, зайду, взгляну на новую фельдшерицу.

«Вот и первая ласточка пожаловала», – подумала Инна, приглашая старушку в кабинет.

Та вошла, одобрительно кивая и при этом засовывая в карман белого халата хозяйки ФАПа шоколадку...

И – началось! Люди потянулись один за одним. В основном старики. Большинство приходили преимущественно из любопытства, но находили на что и пожаловаться. Инна выслушивала их, задавала вопросы, измеряла давление и попутно продолжала разбирать амбулаторные карты, вытаскивая из стопки нужные. Карточки обретали хозяев, к име-

нам добавлялись лица. На внутренней стороне каждой обложки фельдшер делала для себя пометки карандашом, типа «Игнатова – первая бабулька. Маленькая, юркая». Или «Потапова – полная, с седым пучком, печет домашнее печенье». И так обо всех людях, которые к ней приходили. Потому что запомнить всех и сразу Инна не могла, а обижать впоследствии тем, что не узнала, не хотелось.

За утро она приняла человек двадцать и ближе к обеду чувствовала себя совершенно одуревшей. А в коридоре, за дверью кабинета, сидели на скамейке еще три человека. До слуха донесся скрип входной двери. «Четвертый пожаловал», – обреченно подумала Инна. С непривычки захотелось завывать в голос, чтобы все те, кто пришел, сами разбежались в разные стороны. Но вошедший энергично прошагал мимо очереди, бросив ожидающим несколько слов, и постучал в створку.

– Да? – откликнулась фельдшер, давно уже и осмотрев свою нынешнюю пациентку, и прослушав легкие, и простучав везде и все, что только было можно.

И тут, к огромной Инниной радости, в кабинет вошел Ларичев. Сидящая возле стола старушка, которой явно не хотелось уходить, недовольно взглянула на него:

– Мы еще не закончили. Нельзя так врываться во время приема.

– Здравсте, Анфиса Марковна, – нисколько не смущаясь, кивнул ей Вадим. – Вы, простите, когда последний раз кушали? Я это к тому, что фельдшеры тоже люди, только за них пожаловаться некому, вот и сидят голодные.

– Да я что? – забормотала старушка, поднимаясь со стула. – Обед же в расписании не написан. Ну ничего, доча, я завтра с утра приду.

«Не дай бог!» – с тоской подумала Инна, глядя ей вслед.

– Придет, – словно прочитав ее мысли, заверил Вадим, – она такая. Перелистает кучу справочников, выищет себе кучу болячек и носится с ними. Анфиса Марковна и домой к нам уже два раза ломилась. Ты будь с ней поостроже. А сейчас – пора обедать.

– Да у меня в коридоре еще толпа. Таких же или нет, уж не знаю, – сообщила Инна, как будто Вадим сам очередь не видел.

– Никого там уже нет, я попросил народ погулять полчаса, – ответил он. – Потому что приехал за тобой. Поедем, а то ведь и правда, наверное, уже голодная-преголодная.

– Да я тебя сама накормить могу! – Инна со смехом выдвинула ящик стола, в котором теснились народные подношения: кто приходил знакомиться с шоколадкой, кто с печеньем домашней выпечки, кто с конфетами или пирожками... – Хочешь?

– Вот это да! – рассмеялся Ларичев. – Слушай, а тебя выгодно держать в компаньонах. Ладно, сгребай все это в кучу и поехали, потому что дома тебя ждет нормальный обед.

Так Инна получила полчаса передышки, покоя и тишины. А потом, когда он доставил ее назад на рабочее место, все началось по новой. К концу рабочего дня Инна была уже просто никакая. Но поток пациентов схлынул. Как и обещал Вадим.

– Не переживай, просто сумей продержаться несколько дней, – сказал он, везя ее после обеда. – Во-первых, только именно в первые дни бывает такой ажиотаж, потом все же будет легче. А во-вторых, ближе к вечеру начнут показывать сериалы, так что бабусек как ветром сдует: жизнь киногероев для них интереснее, чем на тебя посмотреть.

И вот, кажется, его обещание сбылось. Или нет? Инна только вздохнула, снова услышав, как кто-то на крыльце отряхивает обувь от снега. Но выглядывать из кабинета уже не стала: если надо, сами знают, где искать, – обреченно ждала появления очередного пациента. Но вопреки ее опасениям вошедший оказался не бабушкой, а молодым мужчиной, который, судя по виду, не собирался долго и нудно жаловаться фельдшеру на давление, сосуды и ломоту в костях.

– Привет медицинской службе! – бодро улыбнулся он.

– И вам того же, – ответила Инна, разглядывая его. И голос, и внешность посетителя были ей смутно знакомы. Он был довольно высок, строен, из-под русой челки глядели сероголубые, опущенные очень густыми и темными ресницами глаза. – На что жалуемся?

– А что, можно на все? Или только конкретно на здоровье? – уточнил парень.

– Исключительно на здоровье! – подчеркнула Инна.

– Ну вот, а вначале так обнадежила... – шутливо вздохнул он. – Ну да ладно. Что касается здоровья, то оно у меня вот здесь не в порядке. – Пациент показал левую руку с неловко замотанным большим пальцем. – Порезался на днях, а теперь болит. Вроде как воспалиться собирается.

– Ну что ж, значит, будем лечить. А для начала посмотрим...

Инна провела мужчину в перевязочную, где надела перчатки и принялась разматывать неумело наложенную повязку.

– Я, кстати, Валерий Зорин, – представился пациент, пока шел этот процесс. – Мы с тобой уже виделись, в день твоего приезда, в конторе. Не припоминаешь? Нет, только не говори мне, что ты могла меня забыть!

Инна ненадолго оторвалась от работы, насмешливо взглянула на него. Имя оказалось знакомо куда лучше лица, она слышала его уже дважды – в конторе и дома, от Вадима. А еще эта манера балагурить...

– Блюстителю порядка? – спросила девушка.

– Вспомнила! – просиял Валерий. – Точно, он самый и есть. Так что мне тоже можно жаловаться, только на жизнь, а не на здоровье. Итак, девушка, есть у вас жалобы на жизнь? Как там Вадька? Не пристаёт? А то мы его быстро, именем закона...

– Не получится, – улыбнулась Инна. – Ведет себя как истинный джентльмен.

– Ой ли? – усомнился Зорин.

– Точно, – кивнула Инна, принявшись разбираться с лекарствами. – А вот на обеспечение ФАПа могу пожаловаться. Только не знаю кому.

– Так тоже мне! – обрадовался участковый. – Надо заявку в контору написать, указать, что тебе нужно, а они уже выпишут накладные и выкупят в аптеке. Хочешь, я тебе помогу?

– Было бы неплохо, – согласилась Инна.

На этом их разговор временно прервался, потому что она, промыв порез на пальце полицейского, принялась делать перевязку.

– Мазь Вишневского? – подозрительно поведя носом, спросил Валерий. – И за что ж ты меня так?

– Единственная с неистекшим сроком годности, – извиняющимся тоном сообщила Инна. – Хотя, впрочем, вообще неплохая мазь. Если не принохиваться.

– Ну ладно, – примирительно вздохнул Зорин. – Потерплю до завтра, после обеда перевяжешь с чем-нибудь более благовонным. А до обеда как раз и съездим за лекарствами. Отвезу тебя на своей служебной машине и туда, и обратно. Идет?

– Не знаю, получится ли до обеда, – с сомнением произнесла Инна, представив себе выстроившуюся с утра очередь перед дверью, и отчего-то ей тут же захотелось не то что съездить, а пешком за лекарствами прогуляться!

– Получится, – кивнул Валерий. – Бери листок побольше и пиши: «С утра приема не будет, уехала получать лекарства». Повесишь на дверь – и никаких вопросов. Народ у нас с пониманием, а отмазка просто железная. Иногда не грех и просто так ее использовать, чтобы день лентяя отметить.

– И чему ж это меня учит родная полиция? – улыбнулась Инна. – Прогуливать?

– Правдоподобно обоснованный прогул – это уже не прогул, а краткосрочная командировка, – усмехнулся Зорин. И, поскольку Инна уже закончила перевязку, спросил: – Слушай, а может, тебя домой проводить? Время-то твое рабочее уже на исходе...

– Нет, спасибо. – Инна покачала головой и невольно улыбнулась, сообщив: – За мной Вадим обещал заехать.

– Вадим? – повторил Валерий, вдруг становясь серьезным. – Ты там с ним поосторожнее, послушай моего совета. Вадька по натуре – дикий волчара, матерый одиночка. Всего только раз изменил себе, пустил в свою жизнь волчицу, а как потерял ее, так стал еще хлеще прежнего. На доброту отшатнется, на сочувственное слово, как зверь, зыркнет в ответ. Кто его знает, что у него теперь на уме? Тем более что от таких несчастий, какие он пережил, у любого может съехать крыша.

– Нет, у Вадима она на месте, – твердо сказала Инна.

– Я и не утверждаю обратное. Просто предупреждаю на всякий случай, поскольку ты живешь в одной квартире с ним. Мне это делать по рангу положено, как тебе – проводить профилактику гриппа среди населения. Кстати, ты знаешь, что очень похожа на его покойную жену?

– Мне об этом и сам Вадим говорил, и сегодня в разных вариациях раз двадцать уже сообщили, – кивнула Инна. – Но только я не вижу причин для опасений. И Вадим совсем не производит впечатления неуравновешенного человека.

– Ну, дай бог, чтоб и дальше так было, – кивнул Валерий. Затем спросил, меняя тему разговора: – Ну так как, насчет города заметано? Едешь завтра со мной?

– Заметано, – кивнула Инна. – Иначе всех подряд стану лечить мазью Вишневского, пока весь поселок ею не провоняет.

– Вот хорошо было бы, – усмехнулся Зорин, – чтоб не мне одному такое счастье. Но поскольку я в этом поселке за ангела-хранителя, то так и быть, спасу население даже от такого катаклизма. Значит, до завтра, Инна... Как тебя по батюшке?

– Можно и без батюшки, – разрешила фельдшер.

– Да? – Валерий отошел от нее на шаг, взглянул оценивающе. – Ну что же, только познакомились, поэтому к батюшке, может, и впрямь еще рановато обращаться. Но, знаешь, в перспективе я не отказался бы. Я ведь, между прочим, еще не женат.

– Так ты что, мне официальное предложение делаешь? – не растерялась Инна. Участковый вел себя с ней как мальчишка, она и чувствовала себя соответственно – школьницей, зубоскалящей с одноклассником.

– А хоть бы и так! – осклабился тот. – Была не была! Пойдешь?

– Для начала съезжу, – усмехнулась Инна. – Завтра в город. Посмотрю, как ты слово умеешь держать. А дальше будет видно.

– Ну ладно. – Валерий глядел в окно, услышав низкий рокот мотора подрулившей к ФАПу большой машины. – Тогда до завтра. Свидание состоится в восемь ноль-ноль у твоего подъезда. Приходи! И не забывай о том, что я к тебе первый посватался, поэтому гони прочь всех остальных претендентов. Я на твою верность рассчитываю.

– Угу, – кивнула Инна, провожая его насмешливым взглядом.

Не успела она сбросить в обработку использованные при перевязке инструменты, как на пороге вместо ушедшего зубоскала-участкового показался приехавший за ней Вадим.

– Ты тут еще жива, Иннулька? – спросил Ларичев с участием.

– Где-то наполовину, – честно ответила Инна.

– Тогда бросай все, поедem домой. Или, может, тебе чем-нибудь помочь надо?

Девушка оглядела свои обширные рабочие владения. С того дня, как она приехала сюда, все только и делали, что пытались ей чем-то помочь. И хорошо, а то бы ей самой не справиться. Потому что работы до сих пор непочатый край. А ведь надо сегодня еще собраться с мыслями и составить список необходимых на ФАПе медикаментов. Поэтому, чувствуя, что на сегодня ее больше ни на что не хватит, Инна выдохнула:

– Нет, все, поехали.

Вадим принял и повесил на крючок снятый ею халат, подал шубку. И, заперев дверь ФАПа, подал руку, помогая спуститься с крыльца.

«И как только участковому в голову пришло вообразить о Вадиме что-то дурное?» – с благодарностью принимая его помощь, подумала Инна.

Не став ждать у подъезда, утром Зорин позвонил в дверь квартиры. Инна была уже одета и застегивала шубку, когда открывший дверь Вадим обменялся с ним коротким рукопожатием.

– Ну что, готова? – спросил Валерий уже у Инны.

– Готова, – кивнула та. И повернулась к Вадиму, чтобы сказать ему очередное «пока!».

– Ну, давай, счастливо тебе съездить. – Вадим поправил ей воротник. – Горло береги и вообще застегивайся, когда из машины выходишь.

– Прослежу, – пообещал ему Валерий. И иронично осведомился: – Может, еще и расписку в получении оставить?

– Лучше голову своюними и оставь в залог, надежнее будет, – в тон Зорину откликнулся Вадим, открывая им обоим дверь.

– Людоед! – уже с лестницы обозвал его Валерий.

– Храбрый портняжка! – не оставшись в долгу, фыркнул вслед Вадим.

– А вы с Вадимом вроде бы в неплохих отношениях, – с удивлением заметила Инна, садясь в стоящий у подъезда «уазик», максимально обустроенный хозяином для комфортного передвижения.

– А с чего нам быть в плохих? – в свою очередь, удивился Валерий. – Нам с ним – где только людей не сводит судьба! – еще в военмеде вместе пришлось повалиться. Я, конечно, был в гораздо лучшем состоянии, чем он, но все равно разделяли, так сказать, невзгоды. Или ты из-за вчерашних моих слов так решила? Но я же сразу сказал, что лишь предупреждаю. Работа у меня такая, ничего личного.

Доехав до конторы, Валерий остановил машину.

– Мне с тобой пойти? – спросила Инна.

– А и пойдем! – взглянув на нее, лукаво подмигнул он. – Чего бы такому молодцу, как я, не выйти в свет с шикарной женщиной?

Инна лишь усмехнулась в ответ, подавая ему руку. «В свете» они пробыли недолго. Девушке дольше пришлось отвечать на дружелюбные вопросы ставших уже знакомыми конторщиц о том, как у нее идут дела, чем ждать выдачи необходимых бумаг. Объяснять же ей, как, что и где писать, женщинам вовсе не нужно было, потому что Зорин пообещал оформить все на месте сам. После чего под руку с Инной гордо прошествовал к выходу. Работницы конторы проводили парочку любопытными взглядами. А уже выходя, Инна уловила брошенный кем-то ей в спину шепоток:

– Надо же, и впрямь ведь вылитая Вадькина Лариска!

– Крепись! – подмигнул Инне тоже услышавший это участковый. – Будут шептаться до тех пор, пока не привыкнут. И немного после.

– Неужели и в самом деле так похожа? – спросила Инна, снова садясь в машину.

– Ну... – Валерий запнулся, скользнул по Инне взглядом в поисках различий. – Я сказал бы, не совсем. У Лары прическа была другая, более строгая. И лицо взрослее. А еще взгляд у нее был другой – решительный. Она была женщиной с сильным характером, Вадьке под стать. Может, именно поэтому они и нашли друг друга? Два волка. А у тебя совершенно другой характер, сразу видно, что нежный... – Полицейский вывел машину на трассу, прибавил скорость и лукаво покосился на Инну. – Люблю, чтобы женщина оставалась женщиной, не была генералом в юбке. Говорю это, поскольку вчера к тебе уже посватался.

– Как твоя рука? – поинтересовалась девушка, которой вдруг захотелось перевести разговор в другое русло.

– Воняет. – Зорин покосился на слегка потемневшие от мази бинты. – А в остальном вроде бы неплохо. Хотя нет, все-таки дергает.

– Температуры нет? Может, тебе на больничный пойти?

– Из-за пальца-то? Не смей! Я в нашем поселке много укромных местечек знаю, так что и без больничного найду, куда исчезнуть, если вдруг станет лень работать. Главное, чтоб зажило. У меня этот процесс – больная тема. В армии загремел в госпиталь и чуть ноги не лишился, а все из-за сущего пустяка, из-за железной занозы. Палец ведь тоже, как назло, рассадил об железку, когда помогал носилки в машину грузить.

– Какие носилки? – насторожилась Инна, уже догадываясь, что за груз был на них.

– С трупом, – подтвердил ее догадку Зорин. – Вадька ведь тебе, наверное, рассказал? Я в тот день заезжал за тобой, только он мне тебя даже увидеть не дал. Уж чего-чего, а отстоять свою точку зрения Ларичев умеет. Не прошибешь!

– Болела я, простудилась сильно, – оправдалась Инна. – А еще Вадим сказал, что мне незачем было там присутствовать, потому что все равно необходимые специалисты приезжали из города.

– Приезжать-то приезжали, – согласился Валерка, – да и тебе там появляться действительно было ни к чему. Но я, не зная, насколько ты больна, просто хотел взять тебя, так сказать, на боевое крещение. Нам ведь с тобой не раз придется теперь вместе выезжать на всякие мордобои, когда клиент будет вроде и жив, но по виду краше покойника.

– Ты мне лучше про женщину расскажи, – попросила Инна. – Со слов Вадима я поняла, что это в поселке уже не первый случай?

– Так точно, – кивнул участковый. – Началось около двух лет назад – периодически стали находить изнасилованных и задушенных женщин в возрасте от двадцати пяти до сорока. Две были нашими, местными, одна – городская, частенько навещавшая здесь родственников, а остальные четыре, в том числе и последняя, приезжали к нам в поселок на работу из ближайших деревень. Вот ее по пути домой и подкараулили. Точнее, подкараулил: действует один и тот же человек. Почерк во всех случаях совершенно одинаковый: подкрадывается, душит руками, всегда в медицинских перчатках. В акушерских, если быть точнее, с длинными такими манжетами. Знаешь ведь, да? И уже после этого насилует, всегда используя презерватив, чтобы не оставить ни малейшего следа.

– А моя предшественница на ФАПе? – робко спросила Инна. – Я слышала, что...

– Совершенно другой случай, – авторитетно заявил Валерий. – Тех ублюдков, сбежавших из колонии, было несколько, и они оставили женщину в живых. И потом, их уже нашли, а убийства тем не менее продолжают. Все это висит тяжким грузом как на мне, так и на моих городских коллегах. Те предполагают как один из вариантов, что убийца, возможно, тоже откуда-то из колонии-поселения, расположенной недалеко от нас. Но я сомневаюсь: откуда ему там взять резинки? Особенно, пардон, нижние. Конечно, не секрет, что в колониях при желании можно все достать, да уж больно специфический товар, такой даже у доставщика вызовет вопросы. А эки в курсе того, что у нас тут происходит, и, думаю, давно бы уж нашелся осведомитель. Вероятно, и не один. У них ведь подобные деятели не в чести.

– Значит, ты считаешь, что преступник кто-то из местных? – спросила Инна, так как собеседник задумался и замолчал.

– Скорее всего, да, – кивнул Зорин. – Вопрос для меня сложный, потому что поселок наш сравнительно небольшой и все тут друг друга более-менее знают. И я тоже знаю всех и каждого, потому что вырос здесь и живу. А по долгу службы осведомлен о многих наших жителях и их семьях даже лучше, чем остальные, вхож во все дома. Поэтому мне очень трудно думать о том, что убийца кто-то из наших. Но факты, имеющиеся у нас в наличии,

не позволяют исключить такой возможности. Хотя фактов этих, честно говоря, кот наплакал. Одни только тела остаются, практически никаких следов. Даже для кинолога с собакой. Потому что этот гад всегда пользуется какой-то дрянью, начисто отбивающей псине нюх. А уж для людей тем более. Эксперты каждый раз из кожи вон лезут, чтобы найти хоть какую-нибудь, хоть крошечную зацепку, только результат пока нулевой. Я тоже с ног сбиваюсь, пытаюсь отыскать случайных свидетелей – и с тем же успехом. Никто ничего не видел, не слышал, не знает. Никто!

– Да, непростая у тебя работа, – посочувствовала Инна.

– Была бы куда проще, если б наше население само не создавало условий для очередного преступления, – проворчал Валерий. – Ведь все прекрасно знают о том, что у нас творится. Я сам, лично, столько раз ходил по домам и квартирам, столько раз проводил беседы, предупреждал, организовывал в клубе собрания... И несмотря на все принятые меры, легкомысленные особы подходящего возраста продолжают с наступлением темноты разгуливать по глухим местам в одиночку. Вот и последняя... Попросила бы кого-нибудь отвезти или проводить ее, если уж задержалась, на худой конец заночевала бы у кого-то. И была бы сейчас жива-здоровая. Так ведь нет, понесла ее нелегкая на проходящий автобус! И вот результат: сама погибла, ребенок остался сиротой, куча народу на несколько дней забыла про сон и отдых, а мне еще и нагоняй дали за то, что плохо провожу профилактическую работу. Я! Плохо! Да если бы я в тот вечер только знал, куда эта безголовая курица потащится на ночь глядя, я ее до утра в сортире запер б... Короче, тебе тоже от меня предупреждение и прошу считать его вполне официальным: вечерами, особенно сейчас, зимой, когда темнеет рано, одной по поселку не бродить. Вадька правильно делает, что отвозит тебя на работу и обратно на машине, потому что местность вокруг ФАПа вообще глухая. И если он вдруг опоздает, ты не вздумай выходить ему навстречу, запришь и жди. А когда не сможет приехать, мне позвони, я тебя оттуда заберу и доставлю домой в целости и сохранности. Поняла?

– Поняла, – кивнула Инна, ощущая нехороший холодок от нарисованной участковым картины.

– То-то же, – веско произнес Зорин. – И смотри, не забывай о том, что мне обещала.

Больше они к этой теме за время поездки не возвращались, но осадок у Инны на душе остался. Вернувшись на ФАП, она невольно огляделась вокруг и теперь даже порадовалась той группке людей, что в ожидании ее приезда уже подтянулась к крыльцу.

– Кстати, а как же все те пациентки, что приходят ко мне? – тихонько спросила девушка у Валерия, таскавшего из машины коробки с лекарствами в ее кабинет. – Им ведь тоже грозит опасность по пути домой.

– Если мне не изменяет зрение, то интересующий преступника возраст они перешагнули лет сто назад, – бегло оглядев очередь, фыркнул Зорин. – А остальным строго-настрого приказано не ходить поодиночке. Еще ни разу не было такого, чтобы этот тип напал на двух и более человек. Его интересуют только одинокие прохожие! Так что, если вдруг какая-нибудь достаточно молодая глупая курица однажды забредет к тебе на прием ближе к ночи, ты меня очень обяжешь, если удержишь ее у себя и вернешься с ней вместе. А еще лучше – вызови меня, чтобы я мог устроить ей хорошую взбучку.

– Хорошо, может быть, даже и вызову, – сознавая всю важность поручения, пообещала Инна. – А пока давай сразу руку твою перевяжу, чтоб тебе сюда сегодня больше не возвращаться.

– А чего это не возвращаться? Надоел уже, что ли? – шутливо возмутился полицейский.

– Еще как! – с напускной строгостью ответила Инна. – Так что садись быстрее, а то люди за дверью приема ждут.

Валерий вздохнул и подчинился, глядя снизу вверх в лицо занятой его раной Инне прекрасно спародированным взглядом тяжелобольного спаниеля. Не выдержав, девушка фыркнула и, отвлекшись на миг, мазнула его по носу смоченной в спирте ваткой.

– А ниже мазнуть слабо? – оживился парень, с готовностью высунув язык.

– Обойдешься! – Фельдшер сурово сдвинула брови. – Сиди тихо!

– Вот передумаю на тебе жениться – будешь знать! – пригрозил пациент в ответ. Но все же затих, позволяя промыть и осмотреть его руку. Палец Инне откровенно не понравился: отек увеличился, краснота поползла выше, перебираясь с пальца на руку.

– Отправить бы тебя к хирургу на консультацию... – задумчиво проговорила она.

– А чего уж сразу не на луну? – невинно осведомился участковый. И покачал головой. – Нет уж, лечи сама как знаешь. С хирургом нашей городской поликлиники я раз поцапался, и с тех пор у нас с ним такие отношения, что впору из окопов друг по дружке стрелять, а не консультации проводить.

Тут уж Инна нахмурилась всерьез, спрашивая себя, как бы поступил на ее месте более опытный специалист. Потом, решившись, вздохнула:

– Ладно, пока перевязываю тебя и сажаю на антибиотики. Понял? Уколы будем делать! Утром и вечером! Но если краснота увеличится или за пару дней не увижу улучшения, поедешь, как миленький, хоть на луну.

– Ладно, – кивнул Зорин, – договорились.

Инна завязала аккуратный узелок и строго повторила, берясь за шприц:

– Утром и вечером. Чтоб был у меня как штык! А пока скидывай штаны, сделаем утренний укол прямо сейчас.

Валерий с готовностью встал и, как уже следовало от него ожидать, сделал вид, будто собирается обнажить совершенно другую часть тела.

– Какое место подставишь, в такое и вколю, – пообещала Инна, выпуская воздух из шприца.

Комично изобразив испуг, парень поспешно развернулся к ней спиной. И тут же взвыл:

– Ой! Это что же, я такую гадость щипучую своими руками сюда привез?!

– Держи ватку! – скомандовала, не обращая на его вопли внимания, Инна. И, напуская на себя грозный вид, проговорила: – Мазь ему не по вкусу, уколы не нравятся... А стулом промеж ушей тебя лечить ни разу не пробовали?

– Нет бы посочувствовать человеку... – жалобно протянул пациент.

– Мне бы кто посочувствовал! – так же грозно ответила девушка, еле сдерживая смех, который наверняка неправильно расценили бы те, кто ждал приема за дверью. – А ну, брысь отсюда, чтоб духу твоего здесь до вечера больше не было! А вечером чтоб явился сюда всем своим телом. Опоздаешь – вколю штрафной!

– Ладно. – Поняв, что сочувствия он здесь не дожидается, Валерий с несчастным видом, волоча ногу, словно подбитый лебедь крыло, поплелся к двери.

Неизвестно, что подумали про Инну те старики, что сидели в коридоре, но когда она вышла к ним из процедурного кабинета, все еще силясь не улыбаться, несколько пар любопытных глаз сразу уставились на нее.

«Здесь все друг друга более-менее знают», – вспомнились ей слова Зорина. «А что не знают, то, похоже, домысливают на ходу», – добавила она про себя.

Пошептались между собой пациенты, когда Инна скрылась за дверью кабинета. А потом одна из старушек, попав на прием, даже попыталась заверить фельдшерицу, что участковый – очень неплохой, ответственный мужчина. Но Инна, к разочарованию бабульки, не стала беседовать на сию тему, а коротко ответила, что ни к старушкиному недугу, ни к ее собственной работе это не имеет никакого отношения. Отчего, впрочем, интерес к Инниной

персоне у ожидающих приема не убавился. Но Инна махнула на все рукой, включившись в работу.

И потекли дни, вначале как одинокие капли, а потом сливаясь в маленький ручеек. Ближайшие выходные Инна тоже провела на ФАПе, обустривая его по своему вкусу и потребностям. После чего уже перестала, намереваясь что-либо найти, слепо тыкаться по углам, словно стряпуха на чужой кухне. С пациентами тоже начала разбираться. Травмы и простуды, а также неврологические, женские, детские и сердечные заболевания – все это из экстрима постепенно становилось для нее обычными буднями. И хотя было еще у Инны немало «ляпов», за которые приходилось мучительно краснеть потом в городской поликлинике, она стала ловить себя на том, что все-таки любит свою работу.

Большую часть своих пациентов фельдшер начала узнавать в лицо уже и без шпаргалки. И это несмотря на то что к ее ФАПу, кроме поселка Борового, оказались прикреплены еще несколько близлежащих деревень. А с некоторыми из своих пациентов Инна даже успела сдружиться. Например, с бабой Клавой, женой своего добровольного истопника деда Мити, тихой и приветливой пожилой женщиной-гипертоником. И с Марьвасильной, которая была «по совместительству» еще и соседкой. И с Верой, женой Степана, ждущей своего первенца. А пресловутую Анфису Марковну, вдоволь намучившись с ней, Инна спланировала на руки городским специалистам. Решила в конце концов, что надо честно разделять с коллегами подобные «радости», а не брать весь огонь на себя. Для этого убедила старушку, что той необходима помощь гораздо более опытных кадров. Участковый Зорин, присутствовавший при том разговоре, заговорщицки подмигнув Инне, порадовал болезную бабку тем, что пообещал доставить ее в город в ближайшие же дни на служебной машине.

Валерий, «чудовище в законе», в свое время добросовестно отходил на все причитающиеся ему уколы, охая и стелая каждый раз. Но жениться, как он с достоинством сообщил Инне, так и не передумал, поскольку мучения возымели положительный эффект, палец его благополучно зажил. Теперь он не только время от времени навещал Инну на ФАПе, но и нередко встречался с ней по работе. Травмы на производстве, несчастные случаи и пьяные драки, а под Новый год даже один алкогольный психоз, в просторечье ласково именуемый «белочкой», были теми случаями, когда участковый и фельдшер ехали на вызов вместе. И это тоже постепенно становилось рутиной. Теперь, выйдя из машины со своим чемоданчиком, Инна сразу приступала к детальному осмотру пострадавшего, оценивала полученные им повреждения, а затем оказывала необходимую помощь. Спокойно, деловито, не отвлекаясь на эмоции. Совсем не так, как было в первый раз, когда ей пришлось пройти предсказанное Зориным «боевое крещение».

Тогда, выехав с полицейским на первую пьяную драку, Инна увидела превратившееся в кровавое месиво лицо лежащего на полу мужчины, его рассеченную скулу с костью, отчетливо виднеющейся на дне раны, и ей самой едва не стало плохо. Сдавленно охнув, она отпрянула, натолкнувшись спиной на следовавшего за ней по пятам участкового.

– Ты чего, Инесс? – спросил тот, ощутимо подталкивая ее снова вперед, чтобы пройти самому. – Что, рож разбитых раньше не видела, что ли?

В панике вскинув на него глаза, девушка помотала головой.

– Ну, тогда, главное, в истерику не впадай, – нахмурившись, вперил в нее холодный колючий взгляд Валерий. И процедил сквозь зубы: – Ненавижу, когда бабы начинают визжать.

– Может, не бабы, а женщины? – выдавила из себя Инна. Уязвленная, несмотря на обстановку, словами участкового, а более того, неприятно пораженная злым выражением его глаз.

– Именно бабы, – резко ответил он. – Женщины никогда себе такого не позволят. Поэтому быстренько решай, кто ты есть.

Столь откровенная грубость Валерия сделала его непохожим на себя самого, и вначале Инна даже обиделась. Но позже, поразмыслив, вынуждена была признать: если бы Зорин начал ее тогда уговаривать, это вряд ли бы подействовало. А вот именно внезапная резкость вдруг помогла ей собраться, за что она потом была ему благодарна. И больше никогда не позволяла себе растеряться, как в тот, первый, раз.

Зачастую на такие вызовы им приходилось выезжать поздним вечером, уже из дома. Валерий заезжал за Инной на своем «уазике», к неудовольствию Вадима, переживавшего из-за ее ненормированного рабочего графика.

– Скоро вернусь, – говорила ему Инна, успокаивающе улыбаясь на прощание.

Ларичев лишь молча кивал и даже не пытался отвечать на шуточки участкового, раздраженно отмахиваясь от них.

– Ревнует он тебя, что ли? – спросил однажды у Инны, уже сидя в машине, Валерий.

Подражая Вадиму, та в ответ лишь молча повела плечом.

Ревнует? Вот уж вряд ли. Скорее, просто волнуется. Ревнуют любимую женщину, на долю же Инны выпало лишь быть ее живым призраком. И Валера, скорее всего, прекрасно это понимает, потому и спросил не всерьез. И люди в поселке это понимали, не зря ведь никто даже словом ни разу не обмолвился о том, что вот уже столько времени Инна живет с Вадимом в одной квартире, при всем при том что по поселку, неведомо с чьей легкой руки, упорно ходят слухи о ее романе с участковым. Просто никто даже мысли уже, видимо, не допускал о том, что Вадиму могут еще оказаться не чужды обычные земные радости.

Никто, кроме Инны. Потому что Инна с каждым днем все сильнее привязывалась к Вадиму. И очень надеялась на то, что когда-нибудь все-таки сумеет без следа растопить лед, сковавший душу мужчины. Она не видела в Вадиме ничего, к чему могла бы остаться равнодушной. Его нежная забота о ней, его сдержанность, умение все понять с полуслова и ответить только взглядом, все его привычки, его изрезанное «оспинками» лицо и задумчивые выразительные глаза, сила его характера и даже преданность погибшей жене – все это будило в Инне такие чувства, которых девушке не доводилось испытывать раньше: горячее участие, и восхищение, и нежность, от которой у нее порой захватывало дух. Иногда ей так хотелось подойти к Вадиму и, коснувшись губами, разгладить суровую складку между его бровями, а потом прижаться к нему крепко-крепко, отдавая его сердцу часть своего тепла. Но сделать это она никогда бы не решилась, потому что между ними всегда незримо присутствовала та, чья рука надела на безымянный палец Вадима обручальное кольцо. И чья могила была самой ухоженной на местном кладбище.

Инна как-то побывала там, в один из выходных, когда осталась дома одна, потому что Вадима и нескольких других водителей срочно отправили с грузом какого-то особо ценного леса на железнодорожный вокзал. Как раз в этот день к девушке зашла поболтать Марьва-сильна. Слово за слово, разговор коснулся Ларисы. И соседка, по Инниной просьбе, согласилась проводить ее на погост.

– Вот здесь. – Идя по расчищенной от снега дорожке, женщина указала на темнеющий среди сугробов мраморный памятник.

Инна остановилась перед ним. Что она хотела увидеть? Портрет покойной? Но он, большой, цветной, висел у Вадима в комнате. Сынишку Вадима, не успевшего прожить даже дня? Но его личико осталось лишь в памяти отца, всего несколько минут подержавшего своего малыша на руках.

– «Ларичевы... Лариса... Виталик...» – тихо прочитала Инна.

– Это мы с Петриванычем, моим супругом, так малыша называли, – пояснила стоящая чуть позади Марьвасильна. – Надо было срочно для документов, а Вадим... У него не нашлось сил дать имя новорожденному сынишке, которого нужно хоронить. Как вспомню тот день, – Марьвасильна всхлипнула, – и сейчас еще плохо делается. О той аварии уж все

в поселке знали, работники ГАИ быстро выяснили, с какого вызова ехала «Скорая», и сообщили сюда, а пойти и сказать Вадиму ни у кого духу не хватало. Наконец мы с Петриванычем не то чтобы решились, а просто уже понимали, что необходимо это сделать. Вадимушка ведь, считай, у нас на глазах вырос, а поскольку своих детей у нас с мужем не было, то он нам всегда был как родной. Пошли мы к нему вдвоем. Вадимушка дома был. Открыл нам дверь, а у самого лицо так и светится. Увидел нас, обнял и спрашивает: «Вы чего такие хмурые? Что у вас случилось?» А я только и смогла сказать: «Не у нас, Вадимушка. У тебя». И со мной истерика прямо на пороге случилась. Дальше уж мой дед ему досказал, и у самого плохо с сердцем стало. Вадимушка же словно окаменел. Ни слова, ни полслова не вымолвил, в лице не кровинки. Так и в день похорон. Могилу засыпали, и, когда все разошлись, он опустился возле нее на колени, да так и остался стоять, камень камнем. А похороны-то ведь были в начале зимы. Я дома его жду, прислушиваюсь, когда мимо нашей квартиры по лестнице к себе подниматься будет, а его все нет. Час нет, другой. На улице мороз крепчает, метель разыгралась, стемнело уже. Я Петриваныча начала тормошить. Пошли мы с ним вместе обратно на кладбище. А Вадимушка приник головой к могильному кресту, и его уж снегом занесло, так что я даже подумала вначале, жив ли еще. Как я плакала, как уговаривала его подняться да домой пойти... Если не мои слезы, то он, наверное, так и остался бы там и действительно насмерть замерз до утра.

Слушая Марьвасильну, Инна ощутила, что и у нее каменеет лицо. И поняла наконец, зачем пришла сюда: ей хотелось разделить с Вадимом его боль. Прочувствовать, пережить. И пусть он об этом не узнает, что ж. Зато будет знать она, и это придаст ей сил исполнять ту роль, с которой до сегодняшнего дня у нее не получалось смириться, – быть призраком в доме Вадима. Окруженным постоянными вниманием и заботой, но призраком.

Инна и прежде признавала: сравнение с такой женщиной, какой являлась Лариса, для нее отнюдь не зазорно – наоборот, делает ей честь. Но замещать собой ту, которая умерла... и даже не замещать, а быть ее живым портретом, ни на день об этом не забывая... Иногда, оставаясь одна в своей комнате, девушка почти против своей воли подходила к зеркальной двери шкафа и всматривалась в свое отражение, не зная в этот момент, себя ли видит или ту, другую. И чувствовала, что у нее при мысли об этом готовы сдать нервы. Но теперь Инна твердо была уверена: она должна это выдержать...

– Тыфу ты, нехристь окаянный! – прерывая ее мысли, вдруг воскликнула, сплунув, Марьвасильна, проходя мимо ничем не примечательной с виду могилки, на которой лежали еще не занесенные снегом яркие искусственные розы.

– Вы о ком? – удивилась Инна, прочитав надпись, гласившую, что в могиле покоится Таисия Морозова.

– Да о Ваське Морозове, о ком же еще! – Женщина гневно тряхнула головой. – Жена его как бросила, так он вон чего придумал – могилу на живого человека соорудил. И что только не пытались с ним сделать, все впустую. Потом оставили его в покое, устав воевать. А Василий, полюбуйся, снова цветочки сюда принес! Не иначе как очередная годовщина недавно была с того момента, как Таисья от него ушла. Три года, кажется... Вздорная, конечно, девка была, с Васькой куда как подло обошлась, но ведь мало ли что у кого в жизни было, нельзя же вот так...

– Он вообще странноватый, – заметила Инна, вспомнив, как Василий вызвал ее на дом по поводу сильной ангины. Морозов, всем своим видом демонстрируя фельдшеру свое пренебрежение и пару раз пробурчав что-то вроде: «Если б мог обойтись, то и на порог бы бабу не пустил», в то же время как будто специально находил очередной предлог для того, чтобы Инна задержалась подольше. Как ушедший от стаи волк: и чужаков не любит, и одиноко...

– А что, Инночка, уж не грубил ли Васька тебе? – встревожилась Марьвасильна, видя задумчивость спутницы.

– Да не больше, чем другим, – улыбнулась Инна. – Когда болел, я к нему ходила и много чего от него выслушала. Но тогда ему действительно было очень плохо. Зато когда выздоровел, принес мне на ФАП коробку конфет и официально, торжественно прямо, объявил, что они не отравлены. Не так, как наш участковый-балагур постоянно прикалывается, а со всей серьезностью, чуть ли не извиняясь за этот факт. Я и не знала, что ему ответить. Ну, а с могилой... Да, конечно, это уж перебор! Жена-то ее видела?

– Ты смотри, при нем Таиську его женой не назови! – взмахнула руками Марьвасильна. – Нет, разумеется. Не видела. Она с тех пор в поселке больше ни разу не появлялась. И не дай бог, появится! Точно тогда вам с Валеркой работа будет. И хорошо, если на твою долю что останется, а то ведь придется участковому убийство разбирать!

– Да уж, лучше не надо, – согласилась Инна. – Нам с Валерой и так работы хватает.

В следующий раз Зорин заехал за Инной днем через десять, после очередной отгремевшей драки. И не ближе к ночи, а часа в четыре пополудни, когда у Инны еще шел прием на ФАПе. Осматривая пациентку у себя в кабинете, фельдшер услышала через дверь, как он авторитетным, хорошо поставленным голосом – мог ведь, шут гороховый, и так говорить может, если требуется! – официально попросил сидящих в коридоре двух человек перенести свой визит на завтра, так как медработнику предстоит срочный вызов. После чего дождался, когда Инна освободится, и зашел к ней:

– Привет, Инесс! Я за тобой.

– Уже поняла, – кивнула девушка, поднимаясь ему навстречу. – Что случилось?

– Зеленцовы, – ответил Валерий.

Одной этой фамилии для Инны уже было достаточно.

– Что, опять? – вздохнула она, вытаскивая из шкафа чемоданчик со всем необходимым для экстренной помощи.

– И опять, и снова, – проворчал полицейский, принимая у нее поклажу. И добавил, пока Инна надевала поверх халата служебную телогрейку: – И все это будет продолжаться до тех пор, пока жена все-таки не упечет его. Годика на два, я так думаю.

– Не упечет, – ответила Инна, – я с ней разговаривала на эту тему. Она не посмеет, потому что заранее боится, что муж, когда выйдет, еще злее прежнего станет. Знаешь, а я лично вот взяла бы да и огрела бы его чем-нибудь в ответ!

– Его огреешь... – усмехнулся Валерий, заводя машину.

Разговор шел о семейной паре, где супруг, почти двухметровый мужик с уровнем развития, похоже, обратно пропорциональным росту, регулярно избивал свою жену. Когда-то той же участи подвергалась и дочка, но не выдержала, сбежала в город. А законная половина продолжала с ним жить и молча все терпела, опасаясь роптать, чтобы не накликать на себя еще большую беду. Поэтому тандем «участковый – фельдшер» вызывали обычно соседи уже после того, как очередной скандал в доме Зеленцовых затихал.

– Тогда я дождалась бы, пока он уснет, и во сне бы прибила. Зарезала бы! – в сердцах воскликнула Инна. – Ты поговорил бы с ним, что ли, припугнул?

– Если бы ты его зарезала, то сама бы и села, если ты не в курсе, – сообщил Валерий. – А говорить я с ним пытался, и не раз. Только толку от моих разговоров – ноль. Он меня посылает открытым текстом, и все. И что прикажешь мне делать? Врезать ему как следует? С удовольствием врезал бы, если б допрыгнул, да как официальное лицо не имею права. А дать делу ход без заявления потерпевшей стороны не получится.

– Замкнутый круг, – процедила сквозь зубы Инна. – Чего же тогда стоят все наши законы, если такая вот горилла, как этот Зеленцов, творит все, что ему вздумается, и остается

безнаказанной? А ведь, как знать, не он ли является тем пресловутым «резиновым душителем»...

– Не он, – с уверенностью произнес Зорин. – Во-первых, у него элементарно ума не хватило бы так замечать следы. А во-вторых, он пар и дома неплохо выпускает, зачем ему еще кого-то подкарауливать? Нет, у нашего дорогого маньяка совершенно иной психологический портрет. Не обязательно, конечно, но, вероятнее всего, наш преступник одинокий мужчина, весьма замкнутый по натуре, хотя, быть может, и не демонстрирующий этого всем и каждому. Но самое главное – он ловкий, умный и осторожный. «Сила есть – ума не надо» – это не про него. А еще он хладнокровный, мастерски умеет держать себя в руках. Вот, кстати, Вадька, – Валерий внезапно усмехнулся, – тот, волчара, вполне подходит под картинку.

– Ни в коем случае! – сказала, как отрезала, Инна. – И никакой Вадим не волчара, прекрати его так называть.

– Да я что? – повел плечами полицейский. – Не я начал. Его еще в детстве волчонком прозвали, когда он, полуголодный оборвыш, бегал тут по поселку.

– Кто? Вадим? – поразилась Инна.

– Ну да. А ты что, не знала? Как же это тебе не рассказали еще? Его мамашка-алкоголичка была здесь в свое время у всех на устах. Жила с таким размахом! Пила и гуляла так, что слава о ней буквально гремела по поселку. Вадька был у нее не один, кроме него, она родила еще штук пяток детишек, и всех от разных мужиков, так что своего отца Вадька, естественно, не знает. Но в остальном он везунчик, потому что из всех своих братьев и сестер один ухитрился дожить до сознательного возраста. А там уж Петриваныч, ваш сосед, вдруг с чего-то вспыхнул к Вадьке симпатией и имея кое-какие связи, пристроил его в Суворовское училище, чтобы убрать от разгульной маменьки подальше. Ее же, кстати говоря, вскоре посадили, потому что очередного детеныша она попросту придушила, решив, видимо, не мучить своей «материнской заботой», как остальных. Где-то там, в колонии, женщина и скончалась благополучно на нарах.

– Надо же, никогда бы не подумала, – потрясенно проговорила Инна. – Наоборот, была уверена, что Вадим из очень интеллигентной семьи.

– Лоск этот, чисто внешний, ему придали уже в училище, – усмехнулся Валерий. – Там их, говорят, воспитывают, словно в пажеском корпусе. Но по натуре, что бы ты ни говорила, Вадька так и остался тем же волком, что и был. Натуру переделать невозможно. Так что на роль маньяка он все-таки подходит. Тут весь букет: и психологические травмы, как в детской, так и во взрослой жизни, и тяжелая наследственность, и...

– Скажи, ты нарочно меня заводишь, да? – прервала участкового Инна.

– И убивать людей ему приходилось, причем не единожды, – все-таки закончил свою мысль Зорин.

– Я сейчас, кажется, последую его примеру, – пообещала Инна, выразительно взглянув на спутника.

– Угрожаешь участковому при исполнении? – возмутился тот в обычной своей шутиливой манере. – Да я сейчас за это... – И, так как они уже подъехали к нужному месту, закончил, выбираясь из машины неожиданно: – Чемоданчик твой с собой заберу, вот!

Дома у Зеленцовых фельдшер и полицейский застали привычный уже разгром. Не раз разломанные и снова сколоченные табуретки опять отдельными деталями валялись на полу вперемешку с битой посудой, среди которой темными пятнами сворачивалась пролитая кровь. Зина сидела возле стола, зажимая голову руками, возле нее стояла соседка Катя. Самого хозяина нигде не было видно: тот, как обычно, выплеснув на жену свой животный, неведомо с чего вдруг вспыхнувший гнев, ушел «проветриться».

– Ну что, гражданка Зеленцова, заявление будем писать? – официально обратился к женщине Валерий, опуская на стол Иннин чемоданчик.

Не поднимая головы, Зинаида лишь едва заметно качнулась всем телом, давая понять: нет, заявления, как всегда, не будет.

– Да что ж ты его все покрываешь-то! – возмутилась Катерина.

– Убьет он меня, – тихо выговорила Зина.

– Да это он тебя, дуру, рано или поздно убьет! – воскликнула соседка, отходя в сторону, чтобы дать место Инне.

Надев резиновые перчатки, фельдшер мягко развела в стороны руки женщины, которыми та судорожно зажимала голову, и только вздохнула: чего не отнять у ее профессии, так это того, что не по дням, а по часам работа закаляла Иннин характер. Теперь уже она без содрогания могла смотреть на такие вот зияющие раны, когда кровавые края расходятся в разные стороны, а под ними светлеют кости черепа.

– Надо ее ко мне на ФАП, – тихо сказала Инна, обращаясь к Валерию. – Здесь мне несподручно возиться, а там я зашью без проблем.

Точнее, лучше было бы доставить избитую в поликлинику, а то и напрямик в больницу. Но Инна уже точно знала, что Зинаида все равно откажется ехать, потому что исчезновение жены из дома может сурово покараться мужем. Держа ее под руки, вместе с соседкой она довела ее до машины. Валерий, чуть поотстав и сердито ворча что-то себе под нос, нес фельдшерский чемоданчик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.